

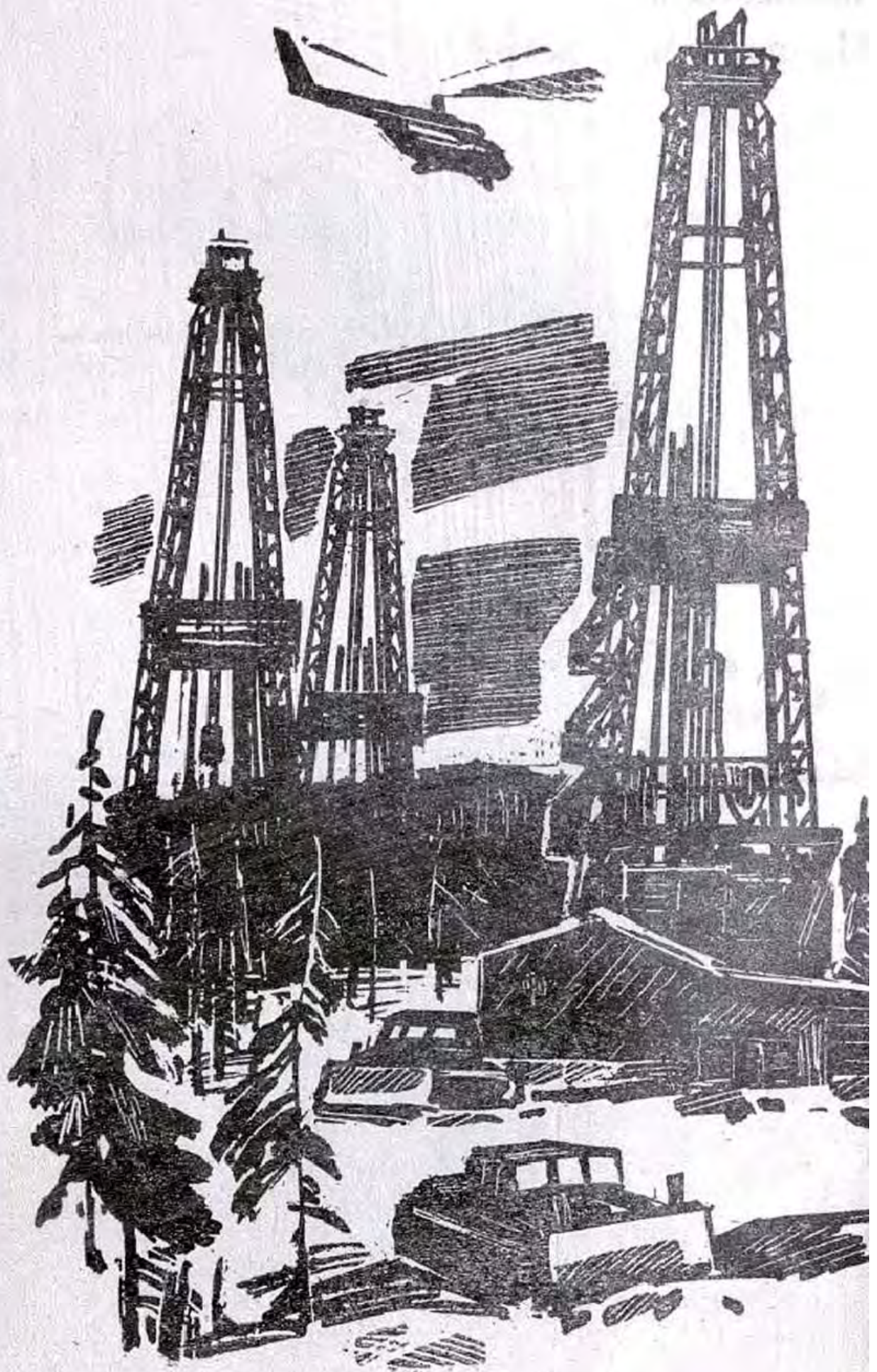
Р4(2 Рос-6 Ята) 6

0-57

Анатолий Омельчук

На полярных ветрах

84(2 Рос - 6 3 та) 6

Анатолий Омельчук

0-54

На полярных ветрах

22772

Читальный зал

- ОКр -

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1983

«Национальная
библиотека ЯНАО»

ББК 66.3(2)6
0-57

Рецензент — заведующий сектором печати,
телевидения и радио Тюменского областного комитета
КПСС
Н. Я. Замятин

О $\frac{11301-006}{M158(03)-83}$ 0802010207

© Средне-Уральское
книжное издательство,
1983.

Какой же он разный, многоликий — Север! Неужели он может казаться кому-то чем-то вроде громадной ледяной глыбы? Вот я смотрю на карту наиболее знакомого мне края Севера — Тюменского. Огромнейшая территория, тысячи километров, десятки градусов по меридианам и параллелям, тайга, горы, тундра. Город первых ямальских нефтяников — Ноябрьск, это же глубокий юг для тех, кто ведет геологическую разведку на берегу океана — на Тамбее.

Кружочки на картах одинаковы, и несведущему легко спутать масштабы Нового Уренгоя и Усть-Юрибея. Почти у самого впадения тундровой речки Юрибей в Карское море приютилась полярная фактория. Всего три деревянных здания — жилой дом, магазин, склад. И всего двое жителей — заготовитель и продавец, Игорь и Вера Бибики. Их одиночество скрашивают кочующие в окрестной тундре оленеводы и охотники. А за Новым Уренгоем карта просто не поспевает, это уже город с населением... Впрочем, я затрудняюсь назвать точную цифру. Прирост населения здесь самый высокий в Российской Федерации. Люди сюда едут надолго, потому что это крупное газовое месторождение обустроить, разрабатывать придется очень долго. А вот на горной метеорологической станции Рай-Из даже обычный срок работы полярников — два года — сокращен наполовину. На тысячеметровой вершине Полярного Урала сходятся ветры Азии и Европы, и больше года

на этих пронизывающих ветрах выдержать трудно.

В поселке Гыда на берегу Карского моря, где живут оленеводы и рыбаки, старожиллов много. Харасавэй тоже расположен у морских вод, но этот поселок — только временный приют нефтеразведчиков, которые прилетают сюда на вахту, а потом воздушные лайнеры уносят их в более обжитые и уютные места. Но и гыданцы, и харасавэйцы (по праву), хотя условия их жизни столь различны, называют себя с гордостью северянами.

Подобно могучему краю, человек, его осваивающий, многолик и прекрасен. Тюменский Север стал подлинно многонациональным краем, всенародной стройкой. Но русский ли, ненец ли, украинец ли трудится здесь — ему приходится постоянно преодолевать себя, чтобы противостоять суровым стихиям, причем независимо от того, работает ли он в крупных населенных пунктах или вдалеке от них.

...На севере от полуострова Ямал поднимается из вод Карского моря остров Белый. Вы не найдете на карте никаких признаков обитания человека — арктический остров не заселен.

Заглянем в третий том Большой Советской Энциклопедии: «Белый, остров в Карском м., отделен от п-ва Ямал прол. Малыгина. Входит в Ямало-Ненецкий авт. округ Тюменской обл. РСФСР. Пл. 1900 кв. км. Поверхность — равнина (выс. до 24 м), полого спускающаяся к югу, покрытая тундровой растительностью. Много озер».

К этой короткой справке можно добавить немного. Остров, ровный, как стол, без единого прутика и кустика, продувается насквозь. Снег здесь сходит в июне, а выпадает уже в

августе. Температура летом редко поднимается за плюс десять.

Впервые нанесенный на карту отважным петровским лейтенантом Дмитрием Овцыным, Белый известен среди арктических мореходов как «остров кораблекрушений»: в его прибрежных водах на рифах из слежавшегося твердого песка погибло немало русских и иностранных судов. Последнее кораблекрушение помечено годами Великой Отечественной...

Остров действительно не населен. Только сезонно работают на нем полярники с большой метеорологической станции, которая носит имя прославленного зимовщика А. А. Попова.

Здесь угодня зверо-оленоводческого совхоза «Ямальский» — самого северного в Тюменской области, а фактическим хозяином охотничьей территории является промысловик совхоза Петр Александрович Мирошников.

...Не помню, у какого писателя встретился сюжет, прочно врезавшийся в память: полярные летчики, летевшие над Северным Ледовитым океаном, далеко от берега увидели двух людей. Подумав, что произошла трагедия, приземлились на лед. Однако оказалось, что это мастеровые, плотники, старый и молодой, не поладившие с начальством, шагают на Диксон и уже одолели половину 700-километрового пути. На предложение «подбросить» мастеровые не согласились. Старшой ответил:

— Дойдем. Малость осталось.

Сюжет документальный, тридцатых годов. Но, думаю, поверит в него не каждый.

Но каждый может зайти в Псковский краеведческий музей и посмотреть в одном из залов на велосипед. Простой, почти примитивный. Поразит же вас не элементарная рама

с ободьями, а табличка, которая сообщает, что в 1935—1937 годах на этом велосипеде житель Пскова Г. Л. Травин совершил путешествие вдоль границ Советского Союза.

— Как же он ехал на Севере? — невольно возникает вопрос.

— По льду океана, — спокойно отвечает сотрудница музея.

Я не поверил и услышал совет: удостовериться в этом у самого Глеба Леонидовича Травина.

Семидесятилетний сутуловатый, жилистый и крепкий старик показал мне снимки, газетные вырезки тех лет, книгу «Человек с железным оленем». Самым убедительным аргументом была толстая самодельная книжка в обложке из свиной кожи, на страницах которой стояли печати всех существовавших тогда на арктическом побережье от Мурманска до Уэллена ватажных, кочевых, родовых и других местных Советов. Они удостоверляли, что Травин прибыл туда на велосипеде. Всего один полярный сезон потребовался ему, чтобы преодолеть более 5000 километров арктического маршрута. Да, все это было так, хотя и не укладывалось в сознании!

Поверил же окончательно только недавно, встретившись с реальным арктическим странником наших дней.

Петр Александрович ростом невысок. В толпе его не выделишь. Правда, скроен плотно и прочно — сила чувствуется. Взгляд жестковат. Не то чтобы настороженный, а — наготове. Наготове понять собеседника, наготове сориентироваться, наготове принять решение. Четкий, я бы сказал, взгляд. Может быть, как у других таких же охотников-профессионалов. Но другого такого не знаю.

Северного форсу не любит. И по одежке

его не отличишь: никаких разухабистых волчьих малахаев, дох и унтов. Все по-обыденному. А при его-то возможностях...

— Не люблю я этого,— признается.

Самолеты и вертолеты ходят на Белый нечасто, по заказу. Долго там не задерживаются: в крайнем случае на часы, если не на минуты. Короче, я на этом острове не бывал и все, что знаю, знаю со слов, устных и печатных. Поэтому я не рискнул что-то додумывать, дописывать, а почел за лучшее выбрать главное из наших разговоров с Петром Александровичем...

Рассказ арктического странника

— Гул я услышал. Услышал надоедливый звук ходящей кругами «аннушки» и — очнулся. Сознание включалось медленно. Кто это? Что им надо? Сверху — представить было нетрудно — зимовье выглядело нежилым: за три дня его изрядно подзамело, собак не видно, дым не идет. Самолет все кружил... Я явно слышал, как он снизился, пошел на посадку. А по тому, что машина остановилась почти прямо у крыльца, понял, что так «ювелирно» мог приземлиться только Алик.

Сознание было ясным, но подняться я был не в силах. Последние три дня меня хватало лишь на то, чтобы разжечь примус, развести молочный порошок, вскипятить его с медом, проглотить таблетку, бросить мясо собакам... И снова забывался тяжелым мучительным сном. Растопить печку, понятно, не мог, только меховая малица и спасала.

Прилетевшие гости долго возились у дверей: тамбур наверняка занесло основательно. Потом на пороге появился приятель мой большой Архаров — начальник полярной метеостанции.

— Я прощаться прилетел, закончил зимовку, а ты не встречаешь,— начал он, но осекся.

— Что с тобой? — Альберт Кутузов быстрее разобрался в обстановке.

Показывать свою слабость не хотелось, и я присел на постели.

— Прихворнул малость, отхожу вот на молоке с медом.

Они принялись меня уговаривать лететь на Мыс Каменный, в больницу. Но я ответил:

— А на кого я собак брошу?

— Тебе о себе надо думать,— рассердился Архаров.

Но я уже знал, что еще денек — и поднимусь на ноги.

— Нет, собак я не брошу. Они меня не бросали.

Алик оглядел запущенное за дни болезни холодное жильё и спросил:

— И не хочется тебе, Петро, все это к чертям послать? Загнешься в одночасье, и узнать никто не узнает.

На следующий день мне действительно полегчало. Накормил собак, запряг их и поехал на «полярку». Отдохнувшие собаки бежали резво, и через пяток часов мы уже были на мысе Рагозина, где занесенные по крыши стояли домики полярной станции.

Как-то пришлось задержаться в Салехарде, дотошные журналисты разузнали обо мне и давай писать материалы с непременным «Робинзоном» в заголовке. Это про меня. Робинзон — хороший был человек, но сравнение с ним мне не нравится. Может, и есть что-то общее в нашей судьбе, но его на остров занесло стихией, а я выбрал остров сам. Сознательно.

В то время работал я плотником в совхозе

«Ямальский», где директором Георгий Николаевич Кадыров. Хозяйство у него крепкое, народ его уважает, и он умеет людей ценить. Рубили мы жильё, без излишнего комфорта, но по-северному основательное. Этому делу я еще на Баренцевом побережье у поморов научился, когда работал в Большеземельской тундре.

Бригада и здесь, в Се-Яхе, центральной усадьбе совхоза, подобралась ладная, хотя в основном в ней были ненцы, плотницким делом раньше не занимавшиеся. Чум ведь женщины собирают. Но теперь и мужики наловчились с топором обращаться.

А мне это наскучило. Ну как объяснить? Прискучило — и все! Думаете, к огням больших городов потянуло? Нет, совсем в противоположную сторону.

Зашел я к Кадырову. Понимаю директора: зачем ему плотника терять? А взамен что? Охотник, безо всякого опыта за спиной. Одни желания какие-то неясные. Но проникся Кадыров моим настроением. Рискнул. А может, другое понял: потеряет и плотника и охотника. Он, Кадыров, как гроссмейстер, варианты на много ходов вперед считает.

Одним словом, к осени я уже был снаряжен, помощника мне дали. Уголье выделили около Дровяной, есть фактория такая на севере Ямала, там, где уже неясно, то ли ты на берегу Обской губы стоишь, то ли на берегу Карского моря. От Дровяной до Белого — дневной переход. А у фактории как раз разгружался морской транспорт: за один рейс он на целую зиму все привозит. Смотрел я на корабль, смотрел и надумал: Дровяная — место освоенное, уголье обихоженное, надо махнуть на Белый, там-то охотники никогда не промышляли. Но сначала нужно было убе-

дить капитана, чтобы он меня до острова подкинул. Кадыров? Будет промысел удачным, директор еще спасибо скажет — новую территорию освоили. Разговор с капитаном был нелегким, затяжным. Но и капитан рискнул. Видно, во многих северянах «партизан» сидит...

Сентябрь уж стоял, время в Карском штормовое. Переболтались мы через пролив Малыгина, пошли восточным берегом острова. Я его впервые видел. Впечатление он в такую слякоть и сырость производил неприятное: голо, пустынно, неуютно... Но некогда раскисать, надо подобрать местечко, где плавника много выносит, чтобы домишко срубить и топливом на зиму запастись.

Обнаружили мы такое местечко возле мыса Шуберта.

— Ставь себе фортепяно и играй, сколько душе угодно, — пошутил капитан. — Все равно никто не услышит.

Позднее я узнал, что к знаменитому композитору этот мыс отношения не имеет, а назван в честь жившего в прошлом веке известного военного гидрографа Федора Федоровича Шуберта, директора Гидрографического бюро Морского штаба.

Поставили мы палатку и начали избушку рубить. Пришлось делать ее «слепой»: ведь ни стекла у нас, ни рам, ни фурнитуры. А впрочем, окна-то без пользы были бы: нас вскоре так снегом занесло, одна трубенка торчит. Из дверей, как из шахты, вылазишь.

Скажу сразу, что повезло в том сезоне: улов за сотню песцов перевалил — у Кадырова лучшие охотники столько не приносили.

Тот, кто связан с песцовым промыслом, хорошо знает, что численность зверя в тундре подобна волне: поднимается раз в четыре го-

да, потом на убыль идет, а перед новым «пиком» можно на промысел и не выходить, зря только ноги натрудишь. Это все зависит от количества тундрового мышонка — лемминга, главного песцового корма. Так вот, мой первый сезон пришелся на вторую ступеньку спадающей «волны». Удача была несомненная, но как же я в конце сезона сплоховал, до сих пор обидно. Опыта-то не было. А помощник в феврале зарядил:

— Поедем в Дровяную, сдадим мех.

Что ж, думаю, сгоняем, неделька с хвостиком дела не решит.

Но уж запомнился мне этот переход на всю жизнь. Подвел меня помощник, капитально подвел. Пролив мы благополучно форсировали. Увидел помощник след нарты, пошел по нему к чуму. «В тундре все сородичи, передохнем». И — как пропал. А тут метель начала поигрывать. Представляете мое состояние: сижу среди голой тундры, жду. Куда двигаться? След занесло. Нарта груженная. Припасы на исходе. Две собаки (а в упряжке всего пять) кое-как дышат. Достал компас, взял курс на Дровяную. Больные собаки пали. Три остались в упряжке. На меня и на них пяток банок мясного фарша. Последнюю пополам разрубил утром шестого дня. По расчетам, до фактории десятка два верст оставалось. Если сегодня, думаю, не доберусь, то уже, наверное, и совсем не доберусь. Стараюсь на нарту не присаживаться: падут мои верные... Упал я сам, когда увидел домики фактории. Упал, и нет сил подняться. Собаки меня спасли, растормошили. Жилье почувствовали, сил у них прибавилось.

Отошел я за ночь в тепле, поехал разыскивать помощника. Сидит он в чуме у родственников, чай с сушками пьет как ни в чем не

бывало. По наивности, конечно, сделал все, не по злему умыслу. Рассказал я старикам, в какое положение он меня поставил. Крепко они его отчитали.

На остров вернулись только в марте, зверь уже ушел, пришлось снимать ловушки. Так вот Арктика наказывает за человеческие слабости.

Кадыров обо всем этом не знал. Только одно понял: появился в совхозе еще один охотник. За «партизанство» мое сильно не журил.

Но я его поначалу обескуражил: «Все, Георгий Николаевич, ухожу из совхоза на «полярку», кают-компания там уютная, работа сносная. На праздники начальник шампанское выделяет, а отпуск — шесть месяцев».

Директор было нахмурился, но я тут же пояснил:

— Надо мне, Георгий Николаевич, остров обстоятельнее осмотреть, чтобы его солидно осваивать. Сезон нынче все равно никудышный будет, а работая «на полярке», смогу разведку провести.

Уговаривать Кадырова не пришлось. Начальнику станции тоже рабочие руки нужны были. Устроился я механизатором, разряд тракториста у меня есть, а к нему в придачу — плотника, токаря и столяра. На «полярках» универсалов любят. За тот год я весь Белый вдоль и поперек исходил, пригляделся, что к чему.

Решил, чтобы разумнее вести промысел, поставить по всей южной части острова свои избушки. Для основной базы выбрал местечко на западном берегу, километрах в сорока от мыса Рагозина, где станция. Надежную хатенку срубил, с тамбуром и собачником. Летом вижу, как корабли на восток Север-

ным морским путем маршрут держат, как наш дежурный разводной сухогруз «Цимлянск-ГЭС» к «полярке» на траверз становится — он за один рейс все станции этого сектора и продовольствием, и оборудованием, и техникой снабжает. А осенью прямо с крыши гусей бью. Рядом холодная речушка, в ней омулек водится — пожарить, попарить, впрок посолить. Славное местечко. В глубине тундры потом два балочка сколотил, там инструмент, кое-что из припасов держу, чтобы обогреться, чай попить — у меня там все есть. Еще один балок поставил на самом берегу пролива. Последней появилась избушка километрах в пятнадцати от метеостанции. Теперь только северный край острова пустует. Учусь вот в Салехарде на водителя вездехода, чтобы то «белое пятно» стереть. Директор выделяет машину. Так что весь остров будет опромыслован. В помощники мне дают двух-трех человек. Выучу — могу им это угодье со спокойной совестью оставить.

А угодье богатое. За два года, которые на «гребень» волны пришлись, выполнил 20 годовых планов, да-да, четыре пятилетки. Особо удивляться нечему, нас таких по Министерству сельского хозяйства 18 человек, выполнивших по две — четыре пятилетки, на исходе двадцатого столетия работаем.

Конечно, в деле промысловом главное — опыт. И места знаешь, и приважен зверь у тебя на этих местах. Я вот, к примеру, когда метелишка метров двенадцать в секунду дует, не сижу в зимовье. Потому что песец свой нюх на ветру теряет и железного капкана не чувствует. Не каждый, конечно, охотник в такую погоду наружу выйдет, но я приучен, и собаки мои привыкли. Если сильнее задует, то, конечно, сидишь, не высываешься, но

тоже время для лежанья нет — надо шкурки обрабатывать.

Ловушку я придумал. Простенькая такая, «конструкции Мирошникова» — капкан с вольерной сеткой. Сетка оцинкована, песец ее не чувствует, идет смело. И, как на звероферме, подходи, бери. Не убежит. На обычных капканах мы из десяти одного, а то и двух зверей теряем: отгрызает лапу и уходит. А здесь с гарантией.

В общем-то одно нужно: не лениться. Маршрут мой от ловушки к ловушке где-то километров под сорок. Ежедневно. За неделю успеваю все зимовья обойти, все капканы проверить. Но иной день «собачий спидометр» и всю сотню намогает: это когда зверь хорошо вышел или когда заплутаешь. Места я знаю неплохо, но весной и осенью падают на остров такие туманы, что ничего, кроме собачьего хвоста, впереди не видишь. Впрочем, оттепели бывают и зимой — сегодня минус тридцать, а завтра — плюс два. Климат морской, постоянства никакого. Движешься по компасу, но промахнуться нетрудно.

Бывало, минуешь и один, и другой верный ориентир. Тогда уже берешь направление на побережье. Здесь заблудиться труднее, но и километры лишние наматываются.

Сейчас, когда на собаках работаю, иду через три зимовья. Собаки устают, им отдых нужен. Но все же ни на что их не променяю. Это мои настоящие друзья.

Ямальские ненцы ездовых собак не держат, у них главный и единственный транспорт — олень. Найти хорошую собаку трудно, выучить еще сложнее.

За вожака у меня Верный. По заслугам так называли. Я его из щенков выбрал за сметливость. Караулил его, из поля зрения не вы-

пускал. Теперь Верный все мои команды понимает, собак умеет держать. Если он лег, ни одна не стронется.

Злых собак я не держал. Они все, ездовые, добродушные. Коллективом ведь живем, хоть у каждого характер и разный, но нужно друг к другу приспособливаться. Рассказывал уже, как меня собаки у Дровяной спасали. А был случай, когда они без меня бы пропали...

Присмотрел я на «полярке» солидную лодочку со стационарным отличным мотором. А сама лодка трактором была раздавлена, списана на уничтожение, но я ее себе выпросил. Борта отремонтировал, металлом обшил. Ходкий карбас получился, на нем палаточка, примус. Жить можно.

Пришлось мне с основной базы к мысу Шуберта перебираться. Упряжка берегом идет, я — по проливу. И вот уже на восточном выходе накрыл меня шторм. До этого двигались так. Лодка была загружена полностью. Отъеду на ней, поставлю на якорь, за собаками возвращаюсь, к стоянке веду. Снова на лодку, снова — за собаками. А тут шторм. Хорошо, в проливе есть «кошки» — песчаные отмели большие, три дня на них сидел. Одна мысль угнетала: как там мои псы? Шторм на убыль пошел. Отлив начался. Ну, думаю, Петр Александрович, затянулся отдых, пора за работу. Хотел баром, прибрежной грядой, пройти — он в отлив обнажился — собак привести, плот сделать, на карбас переправиться и дальше идти. Но в расчетах, видимо, ошибся. Лодка моя уже далеко позади, бар кончился, впереди проточка, до берега метров сто, и — прилив начался. Назад бежать поздно, а вперед — только плыть. В сентябре-то! Но выхода нет. Переплыл. Потом марш-бросок километров за двадцать. До избушки. Там

воды нагрел, просушился — и к собакам. Они на месте сидели. Взгляд у Верного тоскливый был, но строгий. Так бы, может, и умерли здесь же, на месте, случись что со мной.

Как таких друзей не ценить! Однажды шли по тонкому льду. Их вперед пустил, думал, по прямой пойдут, а они скосили. И провалились. Барахтаются вместе с нартами. Самим им не выбраться. Проверил, глубина небольшая, чуть больше метра, может, а в основном по пояс. Начал лед колоть, к ним иду. Помог выкарабкаться. На берегу немного одежду выжал — и вперед. До избы — километров пятнадцать. Но не садился на нарту. В ходьбе только и было спасение. И точно: даже насморка не получил.

Захаживают на Белый медведи, вечные странники Арктики, как их называют. За иной сезон десяток раз с ними встретишься. Но встречи эти миролюбивые. Он по своим делам идет, ты по своим.

Захаживают они и ко мне «в гости». Возвращаюсь как-то с путика в балок. Мечтаю чайку горячего попить. Смотрю — полный балок снега, дверь сорвана, продуктов нет, даже заварка рассыпана. Это любопытный медведь дверь своротил, мясо съел, остальной провиант песцы расхватали. Другой любознательный зашел в избушку и вытащил мешок с углем, аккуратно так, не порвал, и у тамбура бросил. Те, что поагрессивнее, стекла били, на крыши залазили, доски выламывали. Да, то любопытство, то голодуха ведут медведей к людскому жилью.

Вообще, что касается живности, то остров — еще настоящий заповедный уголок. Щедрот его хватит надолго, если мы сами не испортим Белый. Думаю об этом с тревогой.

Были на Белом геофизики. Местные, база у них в Се-Яхе стоит. Настоящие северяне, работали культурно, грех мне на них жаловаться, спасибо только скажу. Прихожу в зимовье, там записочка: «Привет, Петро. Пили чай, тебя вспоминали».

А как-то летом работали здесь геодезисты из Ленинграда. Так вот они вели себя, мало сказать, как необразованные, — варварски. Песцовые норы бензином выжигали, летнего крестовика — песка, который ни на что не годен, — стреляли, мою приваду уничтожили. Похулиганили на просторе...

О том, чтобы сохранить остров в его заповедной целости, нужно думать уже сейчас. Любые расходы потом окупятся с лихвой.

Чувствую ли я одиночество в своем безлюдном безмолвии? Чувствую. Первые три дня после отпуска. Когда еще в работу не вошел. Потом вся суета улетучивается — она внутри нас, а не вовне. Мне скучнее гораздо, когда в отпуске задержусь больше своих положенных двух месяцев.

«Спидола» у меня круглые сутки не выключается. На «полярке» библиотека — с тридцатых годов составлялась и береглась. Можно найти редчайшие издания по освоению Севера. Конечно, многое уже прочитано, кое-что перечитано, но полярникам регулярно присылают новые посылки. С культурным досугом — нормально.

Начинал я с ламп-десятилинеек, керосинок, свечами приходилось запасаться. Сейчас же у меня на основной базе и еще в одной избе электричество — движки на бензине. На главном зимовье — переносная радиостанция «Недра». С «полярки» меня каждый вечер вызывают, переговариваемся по селектору. Через их радиостанцию связываюсь с Се-

Яхой. Сейчас дают «Грозу», буду выходить с совхозом на прямую связь.

На метеостанцию езжу как минимум раз в месяц — попариться в баньке и обязательно под Новый год — распить шампанское. Метеорологи меняются, как правило, через два сезона, народ новый, поговорить всегда есть о чем.

Конечно, большой праздник, когда летом приходит морской транспорт: соскучишься по зелени, овощам. Потолкуешь с моряками, отмякнешь душой и снова за работу. Летом ведь тоже не сидишь: приваду развозишь, подкармливаешь псца, ремонта много. Вы же не думаете, что эти пятилетние планы просто так даются?

Много всего порассказал, а на один вопрос, наверное, не ответил: почему я на острове оказался? Просто нравится мне на Белом так же, как вам — здесь.

У меня детство было военное, на Украине, сызмальства научился на себя полагаться. Посмотрел кинофильм как-то — «Сказание о земле Сибирской». И поманил меня простор, народ здешний. В пятьдесят четвертом махнул на целину. Диплом тракториста с той поры. Лесоустроителем в ангарских буреломах трудился. Геодезистом тюменские таежные болота прошел. По Иртышу плавал. На Самотлоре побывал, когда у него еще нынешней славы не было. Тот, кто тайгу прошел, тундры не боится. Сюда я уже закаленным прибыл, подготовленным. С кондачка Арктику не возьмешь.

Если говорить о привычках, то курю только на «земле». На остров беру десяток пачек папирос и, как только «Беломор» кончается, об этом зелье забываю. Две бутылки спирту на сезон — НЗ. Бороды не ношу. Не греет

она на морозе, наоборот, сосульки обрывать каждый день — морока. А лицо постепенно привыкает к холоду. На упряжке езжу в нецкой малице из оленьего меха — незаменимая одежда. На «Буране» она не с руки, приходится надевать полушубок и легкие меховые кисы. Удобно.

Доволен ли я жизнью на этой земле? Говорят, она неприветливая. Но меня-то приютила.

Три школы директора

Хотя я выбрал не самые будничные эпизоды из жизни полярного промысловика Петра Александровича Мирошникова, мне вовсе не хотелось нагнетать страха. Работа — везде работа. Повседневность труда лишает его ореола необычности. Правда, не совсем обычно рабочее место, ибо в таких условиях трудятся единицы. Точнее так — подобные условия выбирают единицы. Но слова «арктический странник» я бы мог спокойно заменить на «рабочий человек», ведь этим он и интересен.

Этим интересен и другой герой книги, хотя и по своему общественному положению, и по роду деятельности трудно, пожалуй, найти большую противоположность Мирошникову.

Для Ивана Спиридоновича Никоненко время спрессовано, свободного — нет. Впрочем, речь не о свободном — на работу не остается. Генеральный директор объединения Уренгойгаздобыча только меняет самолеты: сегодня АН-26, завтра ИЛ-62, послезавтра «Боинг»... Только что вернулся из Канады, не успел все бумаги прочитать, срочный вызов

в Тюмень, а вот сейчас (бумаги все еще не подписаны) надо лететь в Москву через Надым.

И ни от одной поездки не откажешься. В Торонто проходил XIV Международный газовый конгресс: очень хотелось побывать на таком представительном симпозиуме. В Тюмени первый секретарь обкома КПСС Геннадий Павлович Богомяков, по поручению Советского правительства, вручил Никоненко в числе группы товарищей Государственную премию СССР. В Надыме — пленум горкома партии.

А в Москве совещание по Уренгою — ученые будут предлагать, как брать второй «этаж» месторождения — валанжинский.

Все нужно. Все срочно. Все позарез. Но главное-то дело — газ подавать, третий промысел пускать, там не все ладится. А времени нет.

Сам еще недавно, в бытность инженером среднего звена, Иван Спиридонович подшучивал над начальством, которое трудно заставить в рабочем кабинете:

— Начальство существует для парада...

А вот получается, что сам в такой роли оказался: редковато его не только подчиненные, но и жена Лариса Семеновна видит. Дело, естественно, не останавливается и без него. Самый молодой из его заместителей по производству, тридцатилетний Рим Султанович Сулейманов, держится молодцом, хотя трудновато ему: как-никак время летних отпусков, и многие специалисты отдыхают на юге. Для Сулейманова это, может быть, и к лучшему: молодой руководитель быстрее созревает, в полной мере ощутив ношу ответственности. Но Никоненко привык полагаться на себя — в любом случае главная ответственность на нем. А может быть, в нем самом.

Случись что, самые жесткие слова скажет он сам себе.

Последние бумаги подписывает уже на бегу, а Ларисе Семеновне приходится подъезжать с ним до вертодрома, чтобы по дороге рассказать, что к чему в командировочном чемоданчике.

Под брюхом низко летящего вертолета бесконечные в сероватом мареве леса. Июнь уже на исходе, а деревья только начинают набирать зелень, да и набирают как-то робко, словно без надежды на тепло и солнце. Затянулась ныне северная весна. Это от большой воды. Вон пошли внизу болота, одно за другим, и жалко торчат на крошечных островках стволы низкорослого леса. В душе Никоненко, сурового и не склонного к сентиментальности человека, что-то словно очнулось. Что? Пожалуй, редко, если вообще он произносит слова: люблю Север, люблю его природу. Работу — да. Дело — да. А распускающиеся деревья в «весеннем» июне, скромная эта, скупая краса остаются как бы за скобками в текучке дел.

Но вот глядишь в иллюминатор на болотно-лесистое безбрежье и чувствуешь, что все-таки где-то глубоко в тебе укоренился этот край. И вот уже чертову дюжину лет странствуешь по «северам», без всякого желания вернуться к иным, пышным природным красотам...

Впрочем, Никоненко думает, вероятнее всего, о предстоящем совещании в министерстве. Какую предложат ученые схему разработки второго по глубине за сеноманом продуктивного пласта — валанжина. Уже сейчас ясно, что кое-что упущено: ведь разработку надо было начинать именно со второго «этажа». Но газ требовался немедленно, а геоло-

ги к тому времени еще не все подсчитали, не смогли защитить запасы по валанжинскому горизонту в Государственной комиссии.

Промашки проектировщиков — проблемы для производителей.

Проект редко когда безупречен, а Николенко привык драться до конца. Он перед авторитетными подписями пасовать разучился. Главное для него, чтобы на чертежах было все рационально и соразмерно с его, практика-производственника, возможностями.

Жизнь движется вперед, а бумага, как правило, по инстанциям. Лучше шагать за жизнью.

На чертежах они напоминают близнецов: первый и второй газопромыслы, или, как их официально именуют, — установки комплексной подготовки газа к дальнему транспорту. А в действительности даже несведущий заметит разницу.

До УКПГ-1 — ледяная бетонка, проехать десяток километров от города — минутное дело. Установка — сооружение крупное, что там и говорить — настоящий завод. Только для завода, наверное, народу маловато. Шума почти нет, так — шелест. На «капитанском мостике», просторном, элегантно отделанном пульте управления, всего один человек. Женщина. Свитеров она не вяжет, но и не видно, чтобы очень суегилась. Если потребуется ее участие, автоматика даст знать немедленно.

Конечно, эта работа только внешне кажется безмятежной. В ОПС (оперативно-производственной службе установки) более полу сотни специалистов самых разнообразных профилей. И если спокойно на пульте, значит надежно работают не особо заметные в просторных цехах слесари, ремонтники, дизели

сты, специалисты по контрольно-измерительным приборам, лаборанты, электрики и кочегары. А еще это значит, что вовремя пришла за сменой вахтовка, и вкусно накормили людей, и исправно действует диспетчерская служба объединения, его снабженцы. И многое-многое другое означает это несколько удивляющее спокойное безлюдье огромного промысла: ведь только за час он подает в магистральный трубопровод больше миллиона кубометров подготовленного (кондиционного) газа для уральских домен и металлургических гигантов, фабрик и заводов европейской части страны, для домашних очагов...

Вот в такую минуту, когда в твоём воображении соединятся этот миллион кубометров и одинокий оператор на пульте, тогда и поймешь, что означают для Никоненко понятие «автоматика», его мечта — газопромысел «на замке». Так ему видится: придут люди, построят компактный, совершенный промысел и уйдут, запрут его «на замок». А оператор уже не на установке, а в городе будет управлять беспрекословно подчиняющейся ему сложной технологической «начинкой». Многие вопросы, экономические да и социальные, будут решены.

...Никоненко ведет меня из агрегатных залов на пронизывающий ветер.

— Приглядишься, — советует он. — На второй уже не увидишь.

То, что я рассматриваю, специалисты называют «узлом входа газа». На огромной эстакаде расположены несколько большого диаметра труб в полкилометра длиной, на длинных сваях — причудливо изогнутые шлейфы труб поменьше, серебристый цилиндр — замерный узел.

— Запомнил? — интересуется Никоненко. — Поехали.

Дорога на вторую УКПГ поухабистей.

Но впереди сверкает второй промысел — настоящий близнец первого.

— Посмотрим-посмотрим, каков близнец, — обещает Никоненко. Он сразу ведет меня на то место, где должен быть узел входа газа. Но здесь вместо труб, эстакад, шлейфов... ровная пустая площадка.

Чувствуется, что Никоненко доволен произведенным эффектом.

— Мы бы и на первом так могли, — с прежним сожалением говорит он, — да бумажную машину раскрутить назад было трудно. А здесь сделали.

— Это все, брат, практика, — начинает он объяснять, — наша северная практика подсказывает. Оказалось, что прямо в цехах можно разместить узлы входа, замерный узел, а трубы — загнать в землю. Делаем установку компактнее, людям даем возможность трудиться в тепле, сокращаем массу работ на строительстве, экономим тонны металла, не только черного, но и цветного. Есть резон?

— Впечатляет!

— Но это впечатление больших нервов стоит.

Да, авторы идеи встретили горячих противников в проектировщиках. Тем совсем не хотелось переделывать давно утвержденные чертежи и пересматривать хорошо апробированные схемы.

Их паролем было слово «надежность». Это слово может загипнотизировать. Никоненко, главные специалисты объединения надежность уважают и не только сегодняшним днем живут.

Однако девиз проектировщиков Иван Спи-

ридонович расширяет: надежность и простота. Они должны дополнять друг друга. Если сложно — это не обязательно надежно. Чем больше страховочных узлов и агрегатов, тем больше вероятности, что какой-то из них выйдет из строя. Север есть Север.

Может быть, в частностях коллектив инженеров, который неофициально называли «Никоненко и К°», переборщил. Но разве не конструктивна сама идея: создавать для Севера технику и технологические схемы просто надежные, а не усложненно надежные. Это не только газовиков касается.

В Никоненко, конечно, сугубый рационалист сидит. Хотя снабженцем и не работал, но знает, как сложно завезти все необходимое на Уренгой. Он и рад был бы этот подстраховочный насос поставить, да его на складе просто нет. За ним нужно дорогой самолет за тридевять земель гнать, и каждая деталь в этом насосе уже «серебряной» станет.

Вопрос с «узлом входа газа» решался на министерском уровне. Заместитель министра газовой промышленности СССР Анатолий Георгиевич Гудзь, сам производственник со стажем, выслушав обе стороны, дал «добро» на изменение проекта. Следующие промыслы на Уренгое строятся по новому варианту — без технологических излишеств.

Но будет ли, скажем, УКПГ-4 похожа на УКПГ-2? Сомневаюсь, зная, что в объединении Уренгойгаздобыча инженеры не остановятся на достигнутом. Ведь возводятся промыслы не одновременно. Самый новый должен быть и самым (или в большей степени) совершенным. Мечта о газопромысле «на замке» может осуществиться здесь, на Уренгое.

Газовая промышленность среди других добывающих отраслей — индустрия молодая

и, может быть, поэтому — особо динамичная. Никоненко вписал в ее историю несколько заметных строк.

Первый советский газовый гигант — Шебелинку — на севере Украины знают многие. Родную деревню Никоненко — Андреевку — знают только в Харьковской области. Расположена она рядом с Шебелинкой. Эта близость сказалась на судьбе Ивана Спиридоновича несколько неожиданно, уже после того, как он закончил Харьковский госуниверситет и получил диплом инженера-радиофизика, со специализацией в области автоматизации и телемеханики. Многие его друзья ушли в науку, а он — на производство.

Но в Шебелинском ордена Ленина газопромысловом управлении, рядом с домом, молодой инженер не проработал и двух лет. Махнул в Западную Сибирь. Газовые гиганты — Уренгой, Медвежье, Ямбург, Харасавэй еще не были открыты. А те, что разрабатывались, скажем Игрим, куда попал Никоненко, не только по современным меркам, но и по тем, 1966 года, не шли в сравнение с той же Шебелинкой.

Но когда Иван Спиридонович узнает, что ему присуждена Государственная премия СССР, он скажет: «Это мне за Игрим и Пахрому». Хотя в формулировке четко определено: «за освоение Медвежьего».

Потому что там, в пунгинской тайге, в местах, которые старательно обходили даже коренные обитатели этих мест — охотники-манси, он проходил свою первую школу газовика. На Медвежьем было полегче.

Когда уезжал в Сибирь, друзья говорили:
— Рискуешь.

Он отвечал:

— Рискую.

В одно и то же слово вкладывался разный, противоположный смысл. Двадцативосьмилетний Никоненко полагал: разве не риск прозевать большое дело, которое выпадает в жизни далеко не каждому, не использовать свой шанс. А ведь в ту пору даже самые знающие, самые опытные и вполне оптимистично настроенные специалисты опасались, что не удастся взять потенциальные богатства Западной Сибири.

Его определили руководителем цеха научных и производственных разработок. ЦНИПР — стык производства и науки, устремленный вперед, опережающий производство.

В Игриме молодому начальнику показали его хозяйство: рубленый балок и две землянки, которые были по-сибирски добротны, выкопаны на сухом, песчаном берегу речки Пунги, стены — толстые доски, крыша накатом и засыпана землей. Даже в пятидесятиградусный мороз было достаточно протопить один раз, чтобы стояла настоящая теплынь. Но... цех науки и — землянка?

С вахты не выберешься, на газопромисел не попадешь, вездеходы тонут, вертолеты не могут приземлиться... Не в этой ли землянке рождались планы о газопромиселе «на замке», который будет себе автономно работать, а ты будешь жить в поселке Светлый, ходить в знаменитое кафе «Комарик», радоваться жизни, а промыслом управлять с пульта?

Что ж, трудности — самый лучший стимул. Для любого творчества, в том числе и инженерного.

Пахромское месторождение находится в пойме Оби. Берег заливной, и в паводок месторождение уходило под воду. Оставался только крохотный пятачок, а часть оборудования, устья эксплуатационных скважин за-

топляло. Приходилось даже привлекать водолазов.

Произошло ЧП: в километре от газосборного пункта порвалась труба подводющего газопровода. Случись это на суше, заварить «вертушку» — дело почти минутное. Но над порванной трубой — три метра воды. Газопромысел остановился. А период был для Пахромы очень важный. Добыча на месторождениях Березовской группы резко сходила на нет, Медвежье еще только запускали, и Пахрома должна была давать газа столько, сколько требовал в то время промышленный Урал.

Каждый день простоя «стоил» 6 миллионов кубометров недобытого газа. Водолаз, посланный на место порыва, вернулся с неважными новостями: начисто вырвало семиметровый кусок трубы. Что делать? Ждать, когда уйдет вода?

Никоненко к тому времени был начальником газопромыслового управления, и эти позарез необходимые 6 миллионов газа «висели» на нем. Решение пришло неожиданно, когда он увидел, как какой-то упрямый малыш топил в луже пластмассовый цилиндрик.

— Кессон!

Лучшие сварщики быстро сварили огромную емкость высотой больше трех метров (чтобы торчала из воды), с круглым отверстием у дна. «Бачок» затопили в месте порыва так, чтобы труба вошла в нижний люк. В качестве уплотнителя использовали обыкновенную шину от «газика», затем откачали воду. Сварщик спокойно опустился на дно цистерны, удобно расположившись, ликвидировал порыв трубы.

Заканчивались вторые сутки с той минуты, когда диспетчер разбудил Ивана Спиридоновича криком: «Авария!»...

Небольшое, но трудоемкое месторождение. Опыт, там приобретенный, возможно, в другом месте никогда и не приобретешь. Именно на первых сибирских газосборных малютках набиралась зрелости те, кому предстояло шагать к Полярному кругу, к газовым месторождениям Ямала.

Уренгой по запасам втрое больше Медвежьего, а когда подсчитают полные запасы, эта цифра может еще существенно увеличиться. Причем из Медвежьего можно добывать только газ сеномана. Уренгой же, по излюбленному сравнению журналистов, представляет собой «слоеный пирог». Вверху сеноманский газ, ниже, в валанжинских пластах, — конденсат и газ, еще ниже, по всей вероятности, нефть. Здесь требуется комплексный долговременный подход не только к освоению месторождения, но и жизнеобеспечению людей, которые этим освоением занимаются. Их может не удовлетворить все: семейное жилье в половине балочка или в комнатке общежития, нехватка мест в детсаду, нерегулярное снабжение продуктами, отсутствие музыкальной школы.

Когда время спрессовывается плотнее некуда, когда разрываешься между двумя командировками, а в приемной уже не только сидят, но и стоят посетители, особенно ясно сознаешь, сколько проблем еще не решено и что начинать надо с решения главной — удовлетворить нужды рабочего человека.

Город для газовиков Уренгоя начали строить не одновременно с промыслами. Первоначально был утвержден проект опытно-промышленной эксплуатации, так называемый «Уренгой-30» — количество извлекаемых миллиардов кубометров газа — с временным поселком. То есть, попросту говоря, подстрахо-

вывались проектировщики. Теперь же генеральному директору Уренгойгаздобычи приходится принимать на себя весь удар социально-бытовых проблем.

Каждому человеку не объяснишь, что хотя он требует не так уж много, необходимое, но требует пока то, чего еще нет, что не было заложено в расчеты.

На объединение возложены функции заказчика, оно хозяин всего, что планируется построить в городе. Несмотря на то, что дирекция по обустройству ведет все отношения со строителями, Никоненко всегда выкраивает время, чтобы побывать и на сдающейся в эксплуатацию больнице, просит благоустроить получше детсады, консультируется со специалистами, что в первую очередь открыть в комплексе общественного центра: почтовое отделение или вечернее кафе.

Наверное, он мог бы и не заниматься этими вопросами. Но осталась такая привычка, потребность еще с Игрима, где каждый сданный дом был событием для всех. Да и просто по натуре Никоненко человек дотошный, все ему надо самому руками потрогать, знать досконально, не с чужих слов. Он считает себя ответственным за то, чтобы люди не только обжились, но и прижились на Севере.

Звоню в Новый Уренгой.

— Иван Спиридонович улетел в Тюмень на пленум обкома,— отвечает Лариса Семеновна.

— Завтра вернется?

— Нет, ему предложили обследоваться в областной больнице,— в голосе жены появляются чуть виноватые нотки.— Надо ж ему хоть раз за тринадцать лет провериться.

По тону чувствуется, что «предложила» да, наверное, и просто настояла она сама,

Мне доказывал журналист, по его выражению, «социологического толка»:

— Высшая доблесть директора — прийти на работу в 9.00 и уйти в 18.12, сделав все дела и наметив план на завтрашний день.

Хорошая мысль, может быть, очень аккуратная. Однако вспомнил я своих знакомых директоров-северян, и мне стало не то чтобы неудобно, а обидно за них — слишком уж они далеки от этого идеала. А говорили мы конкретно о Никоненко. Возразить я ничего не мог: действительно, директор должен уметь работать «от» и «до».

— Слушай,— спросил я коллегу,— у тебя дети есть?

— Пара.

— Шумные?

— Нормальные.

— А в пеленках — давали жизни, вечерами не засыпали, по ночам орали?

— Естественно — живые ж дети.

— И ты к ним поднимался?

— А что делать?

— На часы не смотрел?

— Ты это к чему?

— К тому, что есть предприятия зрелого возраста, бывают юношеского, а случается — и младенцы. И каждое требует к себе конкретного подхода: или коллектив там складывался поколениями, или вот он, на твоих глазах рождается.

— Примеры из разных сфер...

— Даже если и так. Но твоя теория, хорошая в общем, в принципе, отдает в конкретных условиях формализмом, «забывает» об энтузиазме людей — качестве в районах обустройства на Севере необходимом. Создали в Уренгойгаздобыче первое газопромысловое управление, надо думать о втором. Создали

собственный строительно-монтажный трест создают филиал научно-исследовательского института. Объединение растет, вопросы рождаются самые неожиданные. И если, решая их, директор в 18.12, как автомат, не поднялся из своего кресла, чтобы уйти, по-твоему — это дурно?

...А в тот вечер генеральный директор задерживался, кажется, сверх всяких лимитов. Хотя на телефонные звонки жены он отвечал шепотом, было слышно, что три раза подогретые пельмени сейчас теряют свои последние достоинства.

Поздним посетителем был главный инженер Николай Васильевич Денисенко. Они специально договорились встретиться в вечернее время, чтобы, отрешась от суеты служебного дня, «на досуге» обсудить интересное предложение, которое получили из Тюмени.

Денисенко — тоже северянин со стажем, разбирался в тонкостях любого газопромыслового оборудования, поэтому большого совещания собирать не требовалось. Но обсудить было что. Специалисты Тюменского СибНИПИгазстроя для районов Крайнего Севера создали эскизный проект установки комплексной подготовки газа — «в блочно-комплектном исполнении с применением укрупненных блоков с несущими основаниями».

Первый эскиз, естественно, попал в Уренгой. Это ли не самый подходящий полигон для свежей идеи?

— Здесь они хорошо придумали, — рассуждает Денисенко, — компоновка технологического оборудования в два яруса удобно использует пространство промысла.

— На наших-то установках сколько «пустот», — вставляет Никоненко, — только металл зря тратим.

— В эскизе воздух, объемы используются полнее,— продолжает Николай Васильевич.— А этажность дает другой эффект, площадка под промысел уменьшается вдвое. В тундре ведь хорошую землю найти трудно.

— А как тебе крупные моноблоки?

— Идея-то сама по себе перспективна, да и начинать этот блок будут в Тюмени. Но каким образом мы его, в 300 тонн весом, доставим на месторождение?

— Если даже удастся провести по Пуру, то остается еще сотня километров по суше.

— Новый транспорт надо изобретать,— Денисенко устало улыбается.

— Вот когда Епхийев пробьет дирижабль, тогда можно будет подумать и о моноблоках. (В чем тут дело, расскажем после.)

Дальше разговор продолжается в откровенно критических тонах: в эскизе многое не продумано и не учтено.

— Ну что ж, надо прямо по пунктам,— заключает Иван Спиридонович,— сформулировать наши замечания...

— Вежливо поблагодарить?

— Можно и искренне: ведь люди старались из желания нам помочь и свои идеи внедрить.

— В общем резюме такое: «Эскиз сырой, недоработанный, его надо основательно доводить «до ума»?

— Согласен,— кивает Никоненко.— Только, Николай Васильевич, ты эту двухъярусность отметь где-нибудь на видном месте: ведь мы так много сэкономим — зачем идею отодвигать на будущее?

Раздается очередной, кажется, четвертый по счету звонок.

— Иду, иду,— успокаивает заждавшуюся хозяйку Иван Спиридонович.

— Пахрома, Медвежье,— говорю я.— Выходит, Иван Спиридонович, Уренгой для вас третья школа?

— И до выпускного бала еще далеко,— в тон отвечает Никоненко.

У него на руках проект комплексного освоения запасов месторождения — газа сеномана и валанжина, конденсата, нефти. И строительства большого, на 70 тысяч жителей города.

К концу одиннадцатой пятилетки Уренгой будет давать весомую долю того миллиарда кубометров газа, который тюменские труженники обязались добывать ежедневно.

Север, его темпы, его размах и масштаб, требует определенного типа руководителя, обладающего широтой кругозора, деловым бесстрашием, умной самоотверженностью, нацеленностью на новое, требует и незауряднейшей личности.

Однако, знакомясь с такими руководителями, сталкиваешься с парадоксом: они принуждены решать задачи и проблемы калибра меньшего, чем могли бы, тратить свою энергию на устранение промахов, допущенных где-то далеко от Нового Уренгоя и Надыма. В силу своего положения они только тактики, а в выработке стратегических направлений им отводится отнюдь не ведущая роль.

Может быть, кстати здесь будет мнение главного архитектора Ямало-Ненецкого автономного округа Раисы Григорьевны Пархоменко:

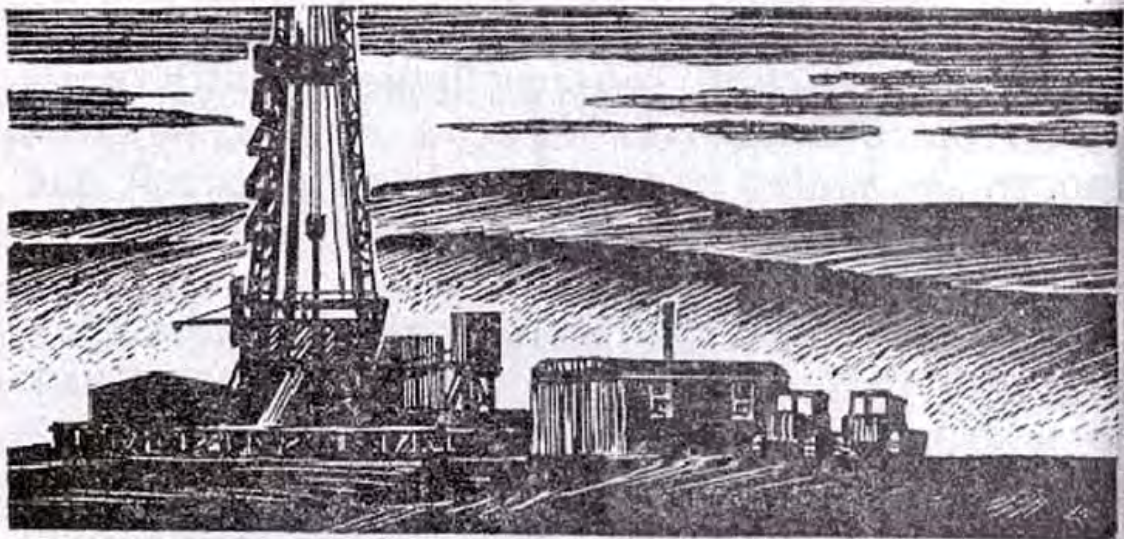
— Нам приходится завидовать норильчанам. У них есть свой проектный институт: в девятиэтажном здании трудятся архитекторы, проектировщики, которые на собственном опыте знают, что такое Север. Для нас же

проекты делают москвичи, ленинградцы, киевляне — безусловно, опытнейшие специалисты, но которые воздухом Севера дышат редко и просто не могут знать всех особенностей здешней жизни, а из этих «мелочей» и состоит наше бытие.

Да, руководитель на Севере должен обладать не только полномочиями тактическими, но и стратегической самостоятельностью. Может быть, тогда дороги и города будут строить вместе с заводами и промыслами, производство порой не будет опережать науку, и вообще исчезнет масса проблем, которыми сегодня от 9.00 до 18.12 (и позднее) приходится заниматься Никоненко и его коллегам.

Партия и правительство поручили этим людям большое, государственного масштаба дело, а значит, им можно доверять до конца.

— Это руководители экстра-класса, — восхищенно говорит о них видный советский ученый академик А. Г. Аганбегян. — Если бы везде работали такие! Не удержусь, процитирую Чернышевского: «Это соль соли земли, теин в чаю, букет в благородном вине, это — двигатели двигателей».

В глубины Заполярья

Север осваивается давно, но в слово «освоение» всегда следует вкладывать конкретный смысл: сначала на далекие окраины шли моряки, полярные метеорологи, кооператоры, речники. Потом настало время геологов, газовиков, трассовиков, нефтяников. Нынешний этап — совершенно новый, свидетельствующий об экономической зрелости страны, которая может вкладывать громадные средства в освоение северных территорий. Стратегия такого интенсивного промышленного наступления на приполярные земли, конечно же, полностью еще не разработана. Пример брать не с кого. Масштабы работ американцев на Аляске с сибирским размахом несоизмеримы.

Продуманные и тщательно взвешенные решения XXIV партийного съезда о создании новой топливно-энергетической базы в Западной Сибири были необычайно смелы и не имели аналогов в нашей богатой истории развития социалистической экономики.

Сколько было колеблющихся, которые не советовали «влезать» в трудный район! Мож-

Но ли называть этих осторожных консерваторами? Подумаем. Да, недра Севера оказались необычайно щедры. Но чтобы пробиться к этим богатствам, нужно было проложить тысячекилометровые газопроводы (из труб, которых не выпускала отечественная промышленность), построить мощные газопромыслы, новые города. И все это в районах, куда нет дорог, с практически неразвитой инфраструктурой. В районах, где нет квалифицированных кадров и вообще тяжело жить людям. Да и обходятся расходы не в один миллиард рублей. Утопить эти народные миллиарды в сибирских болотах — проще простого. В таком деле любой оптимист должен семь раз состорожничать, примерить.

За полтора десятка лет до нефтяников и газовиков аргументы о загубленных в сибирских болотах деньгах пришлось слышать геологам. На деле получилось, что затраченные средства обернулись для государства огромным выигрышем.

У геологов такая судьба: сделав свое смелое дело, они постепенно уходят с переднего плана, освобождая место для добытчиков. На Тюменском Севере масштаб открытий другой, и геологи по-прежнему остаются в первом эшелоне. Открыто много «подземных кладовых», но процент изученности территории остается весьма низким. 500 тысяч квадратных километров земель перспективны на поиски, а в среднем на каждый из них приходится всего метров пять пробуренных скважин. Но в этом и исток оптимизма разведчиков недр. «Осторожным» геологам на Севере сегодня пока делать нечего. Молодежи, приезжающей сюда, по возрасту положено верить в открытия, ну а ветераны еще явно не устали от своего оптимизма.

...Конец сентября в Приполярье — уже поздняя осень, унылая, сырая. Высокий, длинноногий человек, в насквозь мокрым плаще как бы переломившись, подставив плечо проливающим ветру, в огромных своих бахилах шагал прямо по лужам. Он напомнил мне в тот момент Петра Первого на картине Валентина Серова. И подумалось, что у каждого, конечно, свой масштаб дела, но истинный преобразователь всегда виден в этом деле.

Четверть века шагает по трудным дорогам геологической разведки — от болот Нарыма и до берегов Карского моря — Василий Тихонович Подшибякин. С его именем связано открытие первого в Западносибирском Заполярье Тазовского месторождения газа, участие в обнаружении крупных газовых месторождений Ямала. За эти открытия ему вместе с другими геологами и организаторами поиска было присвоено звание лауреата Ленинской премии.

Сейчас он возглавляет одно из производственных объединений Главтюменьгеологии, которое ведет поиск на арктических окраинах области — Ямальском, Тазовском и Гыдацком полуостровах.

Разговаривать с Подшибякиным нелегко и интересно: его ирония безжалостна, не терпит проходных слов и приподнятого тона, он любит отделаться шуткой, всегда настроен на беседу, а не на монолог. Понимаю, что жанр интервью не особенно приемлем для книги, но как иначе попытаться сохранить живую речь Подшибякина?

Автор. Василий Тихонович, у организатора производства работа даже по «северному коэффициенту» — очень нелегкая. Если бы начать жизнь сначала — пошли бы снова в геологию?

Подшибякин. Всегда считал, что любую работу могу осилить, кроме докторской и учительской. Для врача — в руках тонкости не хватает, для учителя — такта и терпения. Впрочем, педагогом сейчас бы уже, наверно, смог... Вообще я парень деревенский, как говорят, от сохи. Приведись начать жизнь заново, может, подался бы в агрономы, поближе к хлебушку. В родной моей деревне половина домов позаколочена. Жалко.

Автор. Но ведь и «гео» — тоже земля?

Подшибякин. Разные это земли. Но как бы там ни было, я счастливый человек, жизнь прожил не зря. Везуч. Кому еще такая удача привалит. А ведь некоторые геологи — газовики, нефтяники всю жизнь проищут — живого газа, живой нефти не увидят. Хотя и они не напрасно трудились, в геологии и минус — плюс, а все ж обидно. Моему поколению геологов, тем, кто выбрал Сибирь, — повезло щедро, по-сибирски.

Автор. Недавно был юбилей газового фонтана на скважине Р-1 Тазовской площади. Отмечали дату 27 сентября 1962 года?

Подшибякин. А как же! Эта опорная скважина великое дело сделала. Тот фонтан — веха в сибирском поиске. К тому времени прошло почти десятилетие, как Александр Григорьевич Быстрицкий открыл Березовский плацдарм. Но за две пятилетки мы дальше так и не двинулись. Аргумент у скептиков был неотразимый: народные деньги в вечной мерзлоте навечно хороним. Перспективность заполярных территорий вызывала сомнение и у оптимистов. По присказке — сначала бы синицу в руки...

Вот в таких условиях преподнесла нам сюрприз первая опорная на Мамеевом мысу. Почти месяц заливали цементный раствор в

скважину, пока фонтан не задавили. Вот такой капризной оказалась первая ласточка.

Отмечал, отмечал дату. Кто ж свою первую любовь забывает? Сейчас Тазовское месторождение, конечно, реже упоминают. Оно сравнительно некрупное, но предтеча всех открытий на Ямале. Да и, кстати сказать, первым начало хозяйственную службу: по мини-газопроводу природным топливом снабжается база нашей нефтеразведки и районный центр — Тазовский.

У производственника, у человека дела тоже бывают моменты вдохновения — это привилегия не только поэтов. Тазовское-то и вдохновило нас: не зря мы сюда пришли, к арктическим чертям на кулички, стоит овчинка выделки, не гробим мы народные рубли.

Автор. Василий Тихонович, был ли первый этап самым трудным, или сегодняшняя разведка на сверхглубинах представляет большую сложность?

Подшибякин. Легко только тому, кто ничего не делает. Естественно, психологически в первые годы, до больших открытий, было потяжелее. Сейчас же за нашей спиной — Уренгой, Ямбург, Медвежье, нефть на Губкинском, Тарасовском, Бованенковском, Русском, Утреннем. Такие аргументы кого хочешь убедят.

Автор. Но зато, смотрите, как выросла ваша мера ответственности. Геологи создали Западной Сибири блестящую репутацию. Если бы два десятка лет назад они ничего не открыли, и спроса практически бы не было. Сейчас же потеряли такую возможность — не открывать не имеете права. Причем требуются только крупные месторождения.

Подшибякин. Да, это так: чем больше мы открываем, тем больше от нас требуют,

Не кто-то требует персонально, а время требует, страна. Значит, мы, геологи, должны приращивать запасы природных богатств, открывать и открывать. Ответственность, что там и говорить, громаднейшая.

Автор. Как бы ни щедры были северные недра, все же и они не бездонны?

Подшибякин. Мой сын работает в нефтеразведке на Ямале. Думается, найдется здесь работа и внуку, если он станет геологом. Почти неведомыми для нас остаются глубины ниже трех километров. А осадочный «чехол» достигает девяти километров. Добавьте сюда шельф. По изученности Тюменское Заполярье, в сравнении, скажем, с европейскими районами, почти «белое пятно». Здесь еще работать и работать.

Автор. Сомнений не возникает, а вдруг — впустую?

Подшибякин. Оценки ученых чаще всего подтверждаются. Мы, геологи-производители, не видим оснований сомневаться в тех прогнозах, которые получаем из научно-исследовательских институтов Москвы, Тюмени, Новосибирска, Ленинграда. Взгляните на карту. На громадном Гыданском полуострове только по «подошве» скважины пробурены. Восточная глубинка — таежный Красноселькупский район — практически не исследована, а ведь это «перемычка» между Самотлором и Уренгоем.

Мы, например, возвращаемся в район Салехарда. В начале 60-х годов геофизики сказали: пустой район. Но что за техника тогда была! Сейчас, вооружась самым современным оборудованием, применяя ЭВМ, они уже другими глазами могут смотреть на этот геологический «пустырь».

Конечно, бывало всякое: не случайно гео-

логи применяют при расчетах коэффициент удачи. Некоторые «пустые» скважины планируются: мы должны знать границы залежи, чтобы подсчитать запасы, сознательно бурим скважину на крыле структуры, получаем там только воду. Это необходимо. Не раз бывало, что неожиданно приваливала удача. Пример тому — Северный Самбург. Чуть южнее получили весьма слабые притоки нефти. Казалось, хорошего ждать не приходится. Бурим и — получаем мощный фонтан газоконденсата. На Ен-Яхе получили газ, конденсат. Вроде достаточно. Ведем испытания дальше, пробуем тот пласт, который считался малоперспективным. Сейсморазведчики его определили как вероятно продуктивный. Бригада испытателей получает из этого «вероятно» через сантиметровое отверстие фонтан нефти. Но не думайте, что у нас все случайно. Практическая геология — наука весьма точная, и чаще всего получаем то, что ожидаем.

По Главтюменьгеологии процент продуктивных скважин достигает 80. Это очень высокий результат, свидетельство не только щедрости недр, но и точности научного прогноза, высокой квалификации буровиков, испытателей.

Автор. Бывает, вместе с нашими достижениями тянем за собой воз трудностей и нерешенных проблем.

Подшибякин. Если бы собрать вместе все доклады, с которыми мне приходилось выступать на самых различных уровнях, от бригады до министерства, просмотреть разделы после стандартного предложения «наряду с достигнутым мы имеем существенные упущения», то, наверное, можно удивиться: как все же сумели сделать то, что сделали. Преодоление трудностей — удел всякого поискови-

ка. Да и не только его. Трудно на целине, в Нечерноземье, в космосе. Но осваивать надо.

Ямал по площади больше Украины и в то же время практически безлюден. Это сейчас население округа перевалило за сто тысяч. Когда мы пришли, было втрое меньше. Транспорт неразвит, авиации — практически нет. Не случайно пристраивались к рекам, к Обской губе, чтобы можно было пройти катером, баржей завезти оборудование. Вся техника в экспедиции — пара машин, пять тракторов, полсотни лошадок. На вахту бригада едет в дровнях. Если авария, то уж надолго: чем завезти все срочно необходимое?

А наш тыл? Быт то есть. Когда я начинал, строительных участков экспедиции не имели. Снимали квартирки или сами рубили себе халупку, печки клали, дрова заготавливали, коров покупали. Приходилось и в палатке зиму коротать. ОРСов не было. Вспоминаю, приезжаем в Новосибирск, в ресторане первым делом заказываем картошку. А как же, год ее не видели. Официанту говоришь, чтобы он попросил мундир с нее не снимать да горяченькой подать.

Попутно скажу: сейчас бы тоже не худо в экспедициях тепличку завести, коровник небольшой, свиарник...

Автор. Проблемы вчерашние, видимо, можно перенести и на сегодня: с жильем вопрос не решен, авиации подчас не хватает, техника тоже подводит?

Подшибякин. Ни в коем случае, ничего подобного! Я должен сказать так: степень зрелости нашего поиска — это степень зрелости страны. Если раньше проблема широкого поискового охвата заключалась в нехватке материальных ресурсов, финансовых средств и людских сил, то сейчас такой проблемы не

существует. Государство оказывает нам громадную помощь. Теперь все зависит только от нас: строй, летай, завози, бури, чтобы выдать запасы. Сейчас дело поставлено на индустриальную основу.

Они только внешне схожи, эти проблемы. Когда мы высадились на Уренгое, людей нужно было поселить хоть в каком-то жилье — в палатках, балках. Потом переселились в двухэтажные дома. Сейчас же вопрос в том, чтобы каждая семья имела квартиру с необходимым набором бытовых благ, с центральным отоплением, горячей и холодной водой, телевизором, радио. То есть совершенно другой уровень комфорта. Можно ли сравнивать потребность в любом жилье с потребностью в благоустроенной квартире?

Если раньше нам позарез нужна была хоть какая-нибудь машинешка, то нынче мы требуем «Урал» или «Ураган». Срочные грузы нам доставляют не АН-2 (спасибо ему!) — АН-12, АН-26, ИЛ-76, «Антей». Геологам выделяют буровые агрегаты-полуавтоматы, настоящие буровые заводы, сделанные на Уралмаше, для которых 5 тысяч метров в глубь земли — не предел. Сегодня, как никогда, все в наших руках. Думаю, что геологи в долгу не остаются. Проходка по Ямалу растет.

Автор. У меня сложилось впечатление, что лет с десятков назад мы чаще слышали сообщения о новых открытиях. Не говорит ли это о том, что «сливки сняты»?

Подшибякин. Месторождения и тогда давались нелегко, хотя их и можно назвать «поверхностными»: лежали на глубине 1000—1400 метров. Геофизики готовили для нас «стопроцентные» структуры. Как структура — так месторождение. Сейчас, конечно, фонд

рупных структур поубавился, в поисковый борот вводятся площади, которые выглядят ебольшими по сравнению с Уренгоем. Да и еверяне, как, впрочем, все советские люди, ривыкли к нашим открытиям. Хотя должен апомнить о том, что ежегодно солидно при ащиваем запасы.

Да и главная наша задача на сегодня формулируется несколько иначе: нужно не расширять поиск, а углублять его, уходить за трех-, пятикилометровые отметки, на нижние, нефтяные, как прогнозируют ученые, этажи. Наступает, я бы сказал, время мудрости нашего поиска.

Конечно, глубокие недра даются тяжелей. Для того чтобы пройти скважину глубиной три километра, нужно по болотам, тундре или тайге завезти около трех тысяч тонн различных грузов. Разведочные площади удаляются от баз иногда километров на 400—500. С глубиной увеличивается время на спускоподъемные операции, частота долблений. Бригада Бориса Николаевича Прудаева, первая пробурившая на Ямале скважину-пятидесятичницу, добралась до кристаллического фундамента: проходка в этом монолите составляла всего несколько сантиметров за смену. Так что вес каждого нового открытия увеличивается.

Например, мы привыкли к «спокойному» алеганию пластов на структурах Западно-Сибирской изменности и были, чего греха аять, не готовы к аномально высоким давлениям, когда перешагнули трехкилометровый убеж. Сумасшедшие давления! Не дают быть глубже. Наука тоже на первых порах астерялась. А сами высокие или аномально высокие давления — признак богатых скоплений углеводородов. Пришлось основательно

взяться за эти пласты. Создали при объединении специальную партию, заключили договор с учеными Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института, обратились за помощью к коллегам в Грозном и Краснодаре. В Тюмени с Западно-Сибирского НИГНИ «отпочковывается» научно-исследовательский институт, который будет заниматься непосредственно технологией проходки глубоких скважин. Проблема нуждается в скорейшем решении.

Автор. За последние годы геологический поиск на Тюменском Севере претерпел немало организационных переустройств.

Подшибякин. С расстояния прожитых лет можно говорить, что не всегда они были уместны. Замораживались объемы проходки, поиск велся разбросанно, именно по принципу «снять сливки»... Видимо, кому-то показалось, что наоткрывали больше, чем нужно. Жизнь показала, что это не так. Ведь существует неписанный закон: остановиться — значит отстать. Сейчас только в пределах Ямало-Ненецкого округа действуют три производственных геологических объединения, созданы новые экспедиции. Рост объемов проходки — залог новых больших открытий.

Прошла испытание временем «вахтовая модель» целой экспедиции. Опыт разведчиков Харасавэя, высадившихся на самом берегу Карского моря, показал как ее сильные, так и слабые стороны. Медики считают, что трехнедельная вахта с последующим отдыхом — наиболее приемлемый вариант работы в Заполярье. Но Тюмень в качестве опорной базы все-таки, на наш взгляд, далековата. Остановили свой выбор на Салехарде и Лабытнангах, где намерены создать благоустроенные базы трех вахтовых экспедиций: Карской

Тамбейской и Гыданской. Эта модель может быть перенесена и на другие нефтеразведки.

Хотел бы затронуть еще одну сторону организации производства. Академик Андрей Алексеевич Трофимук, один из самых ревностных патриотов сибирской нефти и газа, выступил с актуальным предложением: отдать разведке только то, что входит в ее функции. Смотрите, газовики и нефтяники наступают нам на пятки. Работаем с ними одновременно на одном месторождении: мы проводим его доразведку, они ведут эксплуатацию. Хотя добывающие отрасли — сугубо индустриальные, но у них имеются мощные геологические службы. Зачем же задерживать, раздроблять наши силы, а не поручить доразведку самим эксплуатационникам? Доразведка отнимает много сил и средств, увязаем, окапываемся, а ведь разведчикам это противопоказано.

Автор. Ускорение, конечно, дело стоящее. Но вспоминаются конфликты между экспедиционными инженерами-буровиками и геологами. Стремление как можно быстрее закончить проходку скважины приводило к противоречию: геологи не успевали брать тот материал, ради которого в принципе-то и бурится скважина. Буровик кричит: «Мне метры нужны!» Геолог: «А мне керн!» Не получилось бы такого противоречия с эксплуатационниками.

Подшибякин. Сам я горный инженер, буровик, тоже приходилось конфликтовать с геологической службой. Конечно, не из-за того, что мне не хочется знать, что там, в скважине, а потому, что метр проходки — наш основной экономический показатель. Вся жизнь, благополучие тех, кто работает в экспедиции, держались на нем — батюшке-метре. Будет проходка, значит, будут и премия, и

заработки высокие, новое жилье, детский сад. Это с ведомственной позиции. Геолог же стоит на государственной точке зрения: он работает на открытие. Хотя справедливости ради надо сказать, что и он не всегда был безгрешен. Хотели подстраховаться, взять керн больше, чем требовалось. А буровик, у которого свой план, свои обязательства, в это время должен простаивать. Поэтому стычки такие действительно были. В последнее время, хотя метод проходки в качестве основного экономического показателя не отменен, есть тенденция к тому, чтобы учитывать конечный результат — это есть прирост запасов, и таким образом не противопоставлять интересы инженерной и геологических служб.

Что же касается наших отношений с теми, кто будет вести доразведку, то, как в любом живом деле, наверняка без трений не обойдется, но эффект несомненен.

Автор. Сможет ли усиление геологического поиска в районе Обской губы повлиять на оживление трассы Северного морского пути?

Подшибякин. Пока что с моряками наши отношения складываются не так, как хотелось бы. Основные объемы работ сейчас сосредоточиваем на севере Гыдана и Ямала. Берега этих полуостровов как раз и омывает Обская губа. Наши базы в Се-Яхе, Тамбе и Тадибе-Яхе можно считать глубоководными портами. К концу одиннадцатой пятилетки именно здесь будем бурить уже свыше 300 тысяч метров в год. Один пробуренный метр ориентировочно требует около тонны грузов. Итак, сюда необходимо завозит 300 тысяч тонн разных грузов. Для речников объем в общем-то небольшой, но их не выпускают в район морского плавания,

Морякам великое спасибо за Харасавэй, куда они завозят грузы круглый год. Но нельзя же бросать якорь только в Харасавэе. Морякам рано или поздно придется осваивать этот район. Но почему поздно? Лучше — раньше.

Автор. Василий Тихонович, признаки нового этапа геологического поиска на заполярных территориях видятся мне и в приходе нового поколения проходчиков недр. Вот начальником нефтеразведки стал тридцатилетний Александр Чернышов. Экспедиция — такое сложное хозяйство. Здесь, казалось бы, прежде всего опыт, знания, мудрость требуются.

Подшибякин. С Сашей мне пришлось долго работать, стоящий инженер, буровым мастером потрудился. Дело тянет. А насчет молодости... Напомню: нынешний начальник Главтюменьгеологии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор наук Фарман Курбанович Салманов принял экспедицию в 28 лет. Виталий Щербинин уже в 31 год возглавил геофизический трест, в 30 — начальниками экспедиций стали Иван Гиря и Геннадий Быстров. То, что сейчас снова молодежь выдвигается на первые роли (кроме Чернышова могу назвать двух главных инженеров нефтеразведок — Владимира Фольца и Бориса Баранова, им по 28), вполне закономерно. В нашем деле хватка нужна, энергия, умение работать без оглядки, не боясь ошибиться. Молодого груз заслуг не тянет, болезненное тщеславие не гнетет. Ошибся — мы за ним стоим, старая гвардия, поправим. Практическая геология всегда была делом молодежи. Мы же идем в неизведанное. Одно слово — разведка. Что может представлять больший интерес?

Мы распределялись после вуза:

— Ты куда?

— В Тюмень.

— А где это?

Сейчас каждый советский гражданин знает, «где это». Ведь Тюмень — это могущество нашей державы, энергетическое сердце Отечества. Тюмень — это революция в экономике в народном хозяйстве, у истока которой стояли геологи. А смотрите, как географические понятия повернулись. Нас с Львом Цыбулиным (он сейчас ведущий геофизик Главтюменьгеологии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии) из Тюмени направляли в Тарко-Сале. Смотрим, где-то на краях карты — глушь, дальше не придумаешь. Сегодня же Тарко-Салинская экспедиция — самая южная в округе, а передовые отряды перешли 72-ю арктическую параллель.

То, что вчера казалось недостижимым сегодня представляется до банальности простым. Время уплотнено. Темпы невиданные. Такие скорости как раз по характеру молодежи.

Автор. Никак, старая гвардия списывает себя в обоз?

Подшибякин. Опыт — великая вещь. Еще раз повторяю: за спинами нынешних молодых — мы стоим. Когда нам приходилось начинать, такого тыла не чувствовали, вот порой и бросались вперед очертя голову. Хотя в этом свой резон был: если бы оглядывались, глядишь, Самотлор с Уренгоем и по сию пору не открыли бы.

А старая гвардия чувствует себя молодым. Один пример только. Старейший наш геолог Иван Петрович Крохин получил нефтеразведку к своему пятидесятилетию. Крутится — молодой позавидует. Спрашиваю:

«Иван Петрович, второе дыхание открылось?»
Улыбается.

В здешних условиях экспедиции, как правило, выброшены далеко от крупных центров. Начальник со своим коллективом должен решать такие проблемы, которые другим начальникам не снились. Хороший хлеб пекут на экспедиционной базе — значит, начальник хороший. Нужен добротный клуб, детский сад, чтобы дети там были обихожены, холодно им не было. Вот что, кроме основной своей задачи, придется решать тому же Александру Чернышову.

А роль бурового мастера? Это отец родной для полсотни человек. Что начальник экспедиции на базе, так мастер — на буровой. Иной раз от этого пятачка в тундре до базы полтысячи километров. А нужно, чтобы все здесь исправно крутилось и чтобы народ себя чувствовал сносно. Мастером нужно родиться. Вот возьмем Николая Дмитриевича Глебова, Героя Социалистического Труда. Надежнейший человек, справедливый. Его коллектив набурил почти 20 тысяч метров. А в другой разведке такую же проходку дали 4 бригады.

Правда, с Николаем Дмитриевичем у меня однажды вышли разногласия.

Я его заставлял забуриться без бани и сушилки на буровой. Он ни в какую и, конечно, был прав. В рабочем порядке быстро решили. Это никак не повлияло на наши взаимоотношения. Будь у нас десяток Глебовых, мы бы многих проблем не знали.

Автор. Я хотел спросить о вашем любимом буровом мастере, точнее, самом уважаемом. Вы, кажется, ответили на этот вопрос?

Подшибякин. Могу еще добавить. Борис Прудаев три десятка лет на буровых трудится, дети у него тоже геологами стали.

Павел Кожевников из Харасавэя тоже теплых местечек не ищет. Из молодежи показывают стабильный класс Виктор Вустин Мыса Каменного, Леонид Крупин из Газ-Сале. В Тарко-Сале появился хороший парень Владимир Исаев. Не побоялся взять высокое обязательство, конкурирует с Глебовым. Мастера, бригады по опробованию скважин прорабы вышкостроения — это стержневой хребет любой нефтеразведки.

Когда вспоминаю всех мастеров, с которыми сводила судьба, то думаю с благодарностью: до чего же надежные люди, крепкие, своеобразные. Закалка-то какая: на арктических морозах простуженные, на ветрах продутые, дождями промытые. Сильна в советском человеке энергия преодоления.

Автор. Василий Тихонович, вы помните Ивана Расковалова?

Подшибякин. Каротажника? Знаком.

Автор. Он рассказывал как-то об открытии Уренгоя. Ему посчастливилось проводить на первой скважине промыслово-геофизические исследования. Все делает как положено, а приборы ведут себя ненормально, зашкаливают, 750 метров продуктивной залежи показывают. Абсурд какой-то. Передать на базу — засмеют, посоветуют — на работу надо ходить в трезвом состоянии. Перепроверил все. Нет, 750, и точка.

И тогда, Иван рассказывал, понял я, что вот он, мой звездный час. Не врут приборы, правду пишут. Невиданная залежь открыта!

Подшибякин. Такой же случай был, когда мы первый ямальский гигант открывали — Заполярное. Главный геолог Тазовской экспедиции Быстров передает мощность залежи — 250 метров. То ли Геннадий неудачно шутит, то ли радисты врут — связь плохая.

Делаем запрос. Быстров подтверждает — 250. Тоже своего рода звездный час.

Для всех нас, тюменских тружеников, настанет звездный час тогда, когда сумеем выйти на уровень ежедневной добычи миллиона тонн нефти и миллиарда кубометров газа.

Автор. Последний вопрос хочу задать, Василий Тихонович. Вы заядлый книголюб и, видимо, с особым пристрастием читаете книги, посвященные освоению тюменской целины?

Подшибякин. Давно уже, когда все только начиналось, договорился я с одним молодым тогда писателем, что когда-нибудь стану первым подписчиком его собрания сочинений. Четверть века прошло. Держу у себя на полке три его тонких книжки, на корешки приклеил: том 1, 2, 3. Этот писатель знает буквально всю подноготную нашего юиска. Казалось бы — кому, как не ему! Огромный, благодатный материал. Но что-то, видимо, не срабатывает.

Прозаиков и поэтов приезжало и приезжает к нам немало. Мне попадали и честные книжки, и откровенная халтура. Но соизмеримого с масштабом того, что делается на несоединенной стройке, мне до сих пор не встретилось. Правильно, большое видится на расстоянии. Но ведь и сибирская эпопея длится уже третий десяток лет. И как тут не вспомнить «Тихий Дон»!

Посмотрите кругом, какие здесь личности! Люди сложные, противоречивые, настоящие и ети, и герои своего времени. Какие ситуации, какие сюжеты! Но большой, Главной Книги, подобной эпопеям Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Константина Федина, Константина Симонова, о своих соратниках еще не прочел. Но хочу верить, что советские писатели поднимут этот пласт.

Запах ягеля

Наверное, она все же существует, загадка Севера.

«Неисследованность Севера с его массой научных и практических задач, и безграничная свобода жизни и работы на Севере и симпатичное, гостеприимное, честное и способное население, и непосредственная близость к жизни природы, и своеобразные красоты Севера, и предстоящая ему большая будущность,— все это вместе является прочным ручательством того, что Крайний Север всегда будет особенно привлекательным для самого, быть может, ценного типа людей — людей, не любящих протоптанных дорог и избитых клише, не поддающихся предрассудкам, не нуждающихся в суматохе толпы, не боящихся самостоятельного и нелегкого труда».

Мне нравится эта отточенная формулировка еще и потому, что написана она в 1929 году, на заре советского освоения Арктики, и, таким образом, испытана временем. Так сказал человек, Север хорошо знавший

исходивший его от Кольского полуострова до Чукотки, деятельный член Комитета содействия малым народностям северных окраин Сергей Александрович Бутурлин. Каждый северянин найдет в этих словах и тот мотив, что побудил его отправиться на Север, и ту черту в собственном характере, которая, по мнению Бутурлина, необходима настоящему северянину. Но даже такая емкая формула не может быть исчерпывающей. Вообще редкий здешний житель может четко ответить на вопрос, почему же он живет на Севере.

— Не знаю,— ответил мне водитель мощного «Урагана». — Но точно знаю, что не из-за денег и не из-за романтики.

В каждом отдельном случае сила притяжения Севера действует, видимо, на строго индивидуальной основе.

— Вам никогда не приходилось чувствовать запах оттаявшего ягеля? В марте у нас еще за минус сорок, в апреле пурги свирепствуют. Наверное, это в конце апреля было — совершенно случайно поднялся на бугор, там уже проплешина черная. Стал на колени и понюхал землю оттаявшую. Неповторимый какой-то запах, не сравнимый ни с чем. Свой. Запах ягеля. Может быть, запах весны... — так сказал мне сейсморазведчик Владимир Седов.

— Эх,— воскликнул он, удобно вдавливаясь в кресло и вытягивая ноги. — Сейчас бы мое белое тело да в Черное море! — Ему понравилась такая цветовая гамма, и он повторил со вкусом: — Белое тело в Черное море...

Был он весел, возбужден, даже чуть взвинчен, выглядел бодро. Но в интонации уловил усталость. Чтобы назвать ее причину, нужно применить словечко из профессионального

языка геофизиков: «поле». А если чуть строже, официальной — «полевой сезон». Седов только что вернулся с «поля». И хотя впереди у него был длинный полярный отпуск, Черное море, деревенское житье где-то в саратовской степи — все это не могло снять усталости и напряжения прошедшего сезона. «Усталый рекордсмен» — пожалуй, самое точное определение Володиного состояния. Египетская сейсмопартия отмахала за апрель 251 километр профиля. Ребята знали, что сработали хорошо, но то, что это — всесоюзный рекорд им было неизвестно. Вскоре в Се-Яху (табунная база группы геофизических партий, в которую входит и седовская) пришла радиограмма с грифом «правительственная», в которой и поздравляли с рекордом.

Прежний, как выяснилось, тоже принадлежал тюменцам, но они работали гораздо южнее — на севере Ханты-Мансийского автономного округа. Седовцы превысили достижение на 21 километр.

Седову премию ждать было некогда: там в саратовской глубинке, ждал его новоявленный гражданин Седов, пока еще без имени.

— На денек в столицу, в гостиницу «Ленинградскую», а потом — на родину.

— Почему именно в «Ленинградскую»?

— Отель для почетных полярников, — Седов оживает. — Как-то рисовалась мне перспектива ночевать на одном из московских вокзалов. Несolidно. А рядом — «Ленинградская». Дедушка-швейцар документ просит. Я говорю: «Седов. СП-21». Пропустил. Администратору удостоверение протягиваю. «Седов, — говорю. — Только что с Северного полюса, СП-21». У меня в удостоверении написано «Начальник СП-21». Там, правда, еще строчечка есть: «Трест Ямалнефтегазгеофизика

ю это уже для посвященных. Поговорили о белых медведях, хребте Ломоносова и других достопримечательностях высокоширотных экспедиций. С тех пор — только в «Ленинградской».

— А что? — отменяя всякие возражения, горячо произнес Седов. — Они — «СП», мы тоже СП. Они рядом с Северным полюсом работают, и мы тоже — 73-я параллель как-никак. А где труднее — это еще надо выяснить. У моего соседа повар из полярников, так он говорил: «Там, на льдине, нужно из десяти компонентов состряпать один приемлемый конгломерат, а у вас — из одного компонента — десять конгломератов».

— Нет, мы не полярники, — возразил себе Володя, — мы моряки. «Поле» — тот же дальний рейс. Прощаешься с базой, с «берегом» месяцев на пять-шесть-семь. Сейсмоотряд — мой экипаж, за это время других людей не видишь. Что в море шторм, что в тундре пурга — стихии одинаковые. И три надежды, как в душе моряка — на себя, на плечо друга и на то, что тебя на берегу ждут.

Владимир Владимирович — человек не без честолюбия. Нравится ему быть таким: удачливым сейсморазведчиком, рекордсменом в отрасли, бывалым полярным парнем, человеком с СП. Если что сотворил — смотрите, любуйтесь, есть на что.

Но рекорд — что это такое? В спорте с ним все понятно. А на производстве? Люди тоже нужны натренированные, то бишь опытные, не без честолюбия, нацеленные. И отряд должен — сплоченный, как команда.

Была у Седова в коллективе одна «сканальная» история. Он, к тому времени еще ачальник начинающий, уволил из отряда северного ветерана, бригадира механизато-

ров, уволил в самый напряженный момент когда в этом специалисте нуждались позарез. И причем уволил начальник своего учителя Седов именно с его помощью в технике разбирался. Тот, время выкраивая, все ему толково объяснял, знакомил что к чему. С таким бригадиром начальник горя не знал.

Но произошло ЧП на бытовом, можно сказать, фронте. Кто-то главному отрядному механизатору шепнул, что жена его на базу «гуляет». Для полевика такое сообщение нож в сердце. Седов заметил, что его незамеченный раскисает. Выяснил, в чем дело, предложил слетать на базу. Вернулся бригадир веселый и довольный, проклиная себя за то что поверил. И в день приезда сам распустил сплетни о жизни на базе, которые непосредственно касались тракториста и водителя вездехода. Их реакция была такой же. Главные механизаторские силы в разгар сезона были выведены из строя душевными травмами. Пришлось мужиков отпускать на базу, с неделю отряд простоял.

Механизаторы вернулись в отряд успокоенными.

— Как это называется? — вызвал Седов бригадира к себе.

— Шутка, — попытался улыбнуться тот.

— То, что я сейчас скажу, будет вовсе шуткой: собирай вещички, полетишь на базу и узнай там, нужен ли еще в какой-нибудь должности.

Справедливость решения молодого начальника приняли не все и, конечно же, не сразу. Но для команды сплоченный состав оказывается нужнее, чем один-два солиста.

Наверное, все же хорошее слово «рекорд» употребляется слишком часто. Вершина, о которой говорят, остается вершиной и останется, но в любой работе

определяющей остается стабильность. А все отряды Ямальского геофизического треста, который базируется в Лабытнангах, у самого устья Оби, ведут свой поиск, как говорится, без отстающих. Такая уж им роль отведена в сложной цепочке геологоразведочного поиска — опережать.

Кто они — сейсмики-геофизики? Разведчики перед разведчиками. После них идут буровики, геологи-испытатели, те, кто уже руками может потрогать, глазами увидеть этот продукт, ради которого и стараются все, — нефть, конденсат, газ. Если задумали буровики — а не начать ли проходку ниже четырех тысяч метров, то сейсмики под эту задумку должны уже методику выдать, перспективные структуры проверить: есть ли там резон на такие глубины уходить, существует ли шанс обнаружить продуктивный пласт. Так что геофизики в самом начале осуществления государственной топливно-энергетической программы стоят.

Ямальский геофизический трест возглавляли дальновидные люди, лауреаты Ленинской премии Аркадий Яковлевич Краев, Кирилл Владимирович Кавалеров, нацеленные на самые современные методы. Их преемники — Анатолий Родионович Малых, Валентин Иванович Иванов — те же традиции развивают. Если где-то в стране еще придерживаются сейсмической «классики», то только не на севере Западной Сибири. Тот же метод общей глубинной точки (двенадцатикратное перекрытие), столь успешно освоенный отрядом Седова, — последнее слово отечественной геофизической мысли. Сегодня уже все полезные партии треста работают по нему. Он позволяет заглянуть в те глубины, о которых традиционная методика поставляет почти не-

достоверную информацию. Тот же Уренгой его девятикилометровым «осадочным чехлом» по старинке и не возьмешь.

Запас структур, на которые буровики уже могут выходить смело, ямальские сейсморазведчики создали солидный, не одним десятком исчисляется. Но права на задержку, на остановку себе не позволяют.

Проблем у полярных геофизиков много, а причина этих временных затруднений, которые незаметно превращаются в постоянные, пожалуй, одна: рост. Все у них растет — объемы, глубины, потребности.

Седов выразительно подставляет ладонь к подбородку:

— Захлебываюсь. Никакое самообразование не помогает. Практика практикой, поле полем, а нужна система: институт. Пора. Если сегодня эту проблему не решу, завтра в запас спишут, безо всякого учета прежних заслуг перед отечественной сейсморазведкой.

Что ж, Седов — человек целеустремленный. Впрочем... Но стоит ли об этом рассказывать? А почему бы и нет? Разве поставленные цели достигаются сразу и легко?

Три года Володя работал секретарем комсомольской организации треста. Секретарем он был полусвободным — сам квалификацию терять не хотел, хотя комсомольские заботы времени для работы практически не оставляли, даже по вечерам. Вот в те беспокойные годы и возникла у него идея: создать комсомольско-молодежную сейсморазведочную партию. Не от честолюбия ведомственного родилась эта мысль. Народ в геофизике работает молодой, много попадает неорганизованного, хорошей рабочей школы не прошедшего. Вот здесь и могла помочь новая форма организации труда.

Но комсомольский секретарь Седов со своей несложной вроде идеей потерпел неудачу. Молодые, комсомольского возраста начальники отрядов и партий от почетного титула отказались, а в качестве довода говорили одно:

— Специфика.

И добавляли:

— Сам понимаешь, Володя, наша северная специфика.

В общем-то, оно действительно многое объясняло, это простое слово. Геофизическое начальство, на уровне руководителей отрядов и партий, и сегодня подчас не брезгует знаменитым северным «бичом» — человеком, которого уже ни в одну более стабильную организацию не принимают из-за его пристрастия к алкоголю. Ну, а в «поле» такой работяга сезон может продержаться. Какой уж здесь комсомольско-молодежный коллектив?

Седов — человек понятливый, но от идеи не отступился. И когда СП принял, за реализацию давней своей мысли принялся: людей копил, себя берег для этого дела. И только после рекордного сезона решил: пора. Когда еще такие парни подберутся, трудно представить. Взять одну только тыщуконскую династию. Сначала в Се-Яхе Иван появился, устроился старшим сейсморабочим. Через два года в отрядную ведомость записали Тыщука помладше — Лешу. Судя по всему, работать в этой семье не только умели, но и любили.

После сезона Иван заглянул в седовский балок:

— Тут ко мне двоюродный братан просится. Как?

— Без разговоров.

А Василий Аникин через год привез своего двоюродного брата, тоже Василия.

Династия живет вся вместе, выпросили у

Седова учебник по геофизике, обсуждают секреты профессии эмоционально. Седов из Тыщук растит буровых мастеров, а из Аникиных — взрывников.

Так сказал Седов своим товарищам:

— Это не титул, не простая приставка. Это форма работы в новых условиях. Начинаем с комсомольско-молодежными коллективами смежниками, скажем, вертолетчиками с Мыса Каменного, сквозное соревнование. С интерпретаторами на ЭВМ из Наро-Фоминска или Тюмени. Да если захотеть, то и с конструкторами. Поехали в отпуск, зашли в КБ — так и так, ребята, мы с южного берега Карского моря. Надо нам то-то и то-то. А ведь они нас ждут, кто, кроме нас, им голую правду скажет о слабых узлах?

Однако сезон выдался — хуже некуда. Володя метался по базам, подбазам и перевалбазам, «выбивал» солярку, взрывчатку, приборы, продукты, ругался из-за каждого полушубка и штанов из спецодежды. И в этом многомесячном движении только одна мысль и была: как бы план не завалить, отстрелять положенные километры.

У ребят настроение тоже — не ахти.

— Кажется, поспешили мы с этим делом, — дипломатично сказал Седову Тыщук-первый.

С сезонным планом они все же управились, даже перевыполнили, но радости от такой работы не было. Седов ехал в Воркуту сдавать вступительные экзамены в филиал горного института и анализировал то, что кто-нибудь назвал бы вполне успешной работой, а он считал неудачей...

Так что не одними рекордами отмечен его трудовой путь. Север каждый день испытывает характер на прочность.

Об этом свидетельствуют и две истории.

которые я услышал от начальника СП-21 Владимира Седова. Истории, рассказанные в предчувствии отпускного благоденствия, о том, что из себя представляет «легкая жизнь» тундрового моряка, работника-геофизика.

История первая

Можете вы представить походный наш балак, в котором вечером, после маршрута, как правило, тяжелого, собираются сейсмороботы? Жарко натоплена печурка, поужинали, и усталость уже на исходе. Можно почитать книгу, послушать приемник. Если ненароком приходит вертолет, свежую почту привез, парни ее разбирают, письма по углам мусолят. Незамысловатый такой походный уют, минуты незаметные, которые потом на долгую память врезаются. Если хочешь с теплотой работу вспомнить, вот эти минуты и вспомнишь, когда душой отмякаешь.

Сам я живу, как у нас говорят, в «офицерском» балке. В сейсмостанции специальная отгородочка есть, там место для меня и двух операторов. Обстановка построже, поофициальнее. Но вообще-то сейсмостанция — вещь удивительная. Она мою судьбу решила. Хотя моя мать была геологом и таскала меня за собой, я в своих мечтах видел себя только моряком. После десятилетки поехал из родного Новосибирска в Одессу учиться на морехода, поступил даже, но не сложились обстоятельства, и с морем пришлось распрощаться. Мать устроила меня проходчиком канав в Семипалатинской геологоразведке. Тот же землекоп, только штатная должность позвучнее да породы потверже. И вот там, в Казахстане, впервые попал я на эту станцию: множество лампочек, тумблеров, схемы какие-то сложные, все это разноцветно светится, мигает, люди у

приборов мудрые, фразами говорят непонятыми, посвященные — одним словом. Это меня ошеломило, сейсмостанцию с первого взгляда полюбил, как мальчишка, и до сих пор — бесповоротно... И потом — вы как названа нашей науки произносите? Вместе? А попробуйте по корням — гео-физика. Выходит, очевидно земная такая физика.

Впрочем, я отвлекся. У семейных в баллах всегда фотографии жен, детей. В нашем обиходе не принято говорить, что вот, мол, моя жена мне верна. А работал у нас один сейсмо-рабочий, полевых сезонов за ним числилось немного. Он как-то не вписывался в походную этику: все время повторял, какая у него красивая жена, какая красивая дочь, как он жену свою горячо любит, как она его. Повторяю о таких подробностях в «поле» говорить не принято. Знавал я одного парня, женатого. Уже после «поля» на базе перед отпуском традиционный тост поднимаем: за тех, кто наждал. Он стакан не поднимает. Спрашиваю «Что у тебя?» — «Я от своей еще зимой письмо получил. Прощальное». И вот он — так несколько месяцев. Молча.

А этот был словоохоч.

Накануне 23 февраля мне пришлось по делам лететь на базу, в конторе прихватил мешок с почтой: двойной праздник для ребят. Все забились по своим углам, смакуют домашнюю корреспонденцию.

Вдруг наш товарищ, нарушив тишину, закричал, выскочил из балка и забегал вокруг.

Завели его в балок:

— Ну, в чем дело-то?

Он прямо рыдает:

— Как она могла! Как она могла!

Письмо на его тумбочке лежит. Вполне обыкновенное, мне на своем веку уже не оди-

десяток таких посланий пришлось прочесть: «Милый мой, извини меня, я ухожу, так как устала ждать...»

Но реакцию такую я впервые видел. В геофизику народ попадает повыдержанней.

На станции на всякий непредвиденный случай есть НЗ — спирт. Кажется, это был тот самый случай.

— Зайдем ко мне, — говорю.

Надо как-то по-мужски отвлечь человека, чтобы он успокоился, отвлекся. Хорошо мы с ним поговорили, вроде облегчили душу человеку. Я в его балок зашел, предупредил ребят: человеку сейчас не до шуток, свои подковырки бросьте и остроумие приберегите на другой раз.

Он на следующее утро ко мне пришел:

— Я должен уехать. Отпустите, Владимир Владимирович.

— Хорошо. Как только с базы прилетит первый самолет.

Но 23 февраля борт не пришел — пуржило. Мы даже на профиль не выходили. Повариха нам праздничный обед приготовила. Мирно разошлись по балкам. В четвертом часу ночи прибегает ко мне сейсморабочий, в одних трусах, воздух глотает. По всхлипам понял, что нужно за ним бежать. Я из спального мешка, тоже в трусах, успел только в унты впрыгнуть.

На полу прямо у входа лежал тот парень... В балковом «предбаннике» проволока натянута. Он так уже переживал, что и виду не показывал — ушел в себя и решил счеты с жизнью покончить. Его случайность спасла: ногой он дверь неосторожно толкнул, холодом потянуло, кто-то проснулся, слышит — неестественные какие-то звуки... Успели ребята вовремя. Уехал парень на Землю. Как-то встре-

тил его друга, тот сообщил, что не вернул свою жену.

Зачем рассказываю эту душещипательную историю? Но о том, что наш отряд установил рекорд, мы уже беседовали. Может быть, на рекордных этих километрах обнаружат солидную структуру. Нас по этому случаю, конечно же, непременно помянут — есть такая традиция. А вот как мы жили, что мы не только одни рекорды гнали, что нам приходилось товарищей спасать, и любовные мы драмы терпели — многие ли вспомнят?

«Поле», как и весь, впрочем, Север, слабым не любит. Но где набраться героев? Только на наш трест, как минимум, тысячи две требуется. В таких условиях каждый человек получает возможность укрепить личное мужество. Для меня понятие «геофизик» — синоним настоящего мужчины, но геофизиком любобя не назову. Существует жесткий отбор, примерно только один из десяти остается у нас, не может без «поля».

Другая история не о тех, кто уходит. О тех, кто остается, у кого не замечаешь, как правило, их обыкновенного человеческого мужества — как все хорошие людские качества, оно кажется естественным. Но вот когда случается такое ЧП, уже начинаешь по-другому оценивать ежедневные будни своих товарищей.

История вторая

Вообще-то я считаю, что мои парни героическим делом занимаются, но этот эпитет стараюсь не употреблять. Не приняты такие слова в нашем кругу, профессиональные, так сказать, предрассудки. Но иногда другого слова просто невозможно отыскать.

Есть между базой и работающей в «поле» партией промежуточное, связующее звено.

Это водители-рейсовики. Хотя отряд уходит в гундру почти полностью снаряженным на сезон, всего не учтешь. И вот по тундре, без всяких дорог, шпарят вездеходы с полным кузовом срочных грузов. Серьезное дело — рейс. Как правило, меньше двух машин начальник в тундру не отпускает — страховка, как у альпинистов. Да иначе и нельзя. Мы как-то с Иваном Ивановичем Небесным пару дней отсидели в заглохшем вездеходе. Дорожка-то была зсего ничего, поэтому и рискнули идти в одиночку. Из-за холода в топливной системе что-то не сработало, мотор мы запустить уже не могли, потому что в аккумуляторах электролит замерз. Хорошо, что мы экипировались надежно, тепло. К вечеру, правда, второго дня отрядный трактор пришел. Он километра с два наш тягач проволока, масло согрелось, Иван Иванович завел свой полуживой мотор, и мы приехали в отряд на пару.

Вот когда «загораешь» вдвоем у заглохшего вездехода посреди арктической тундры — особенно тебе приятно становится, что у рейсовиков такое исключительное спокойствие, полная уверенность в себе, в своей машине и в том, что из любого положения есть выход.

У Ивана Ивановича мой случай — так, проходной. С ним случались истории посерьезнее. Он на Ямале полтора десятка лет, бывший танкист, по моему разумению, прирожденный рейсовик. А история эта, происшедшая накануне Нового года, приключилась, когда Небесный помоложе был, неопытнее. Паша Совин, отрядный топограф, собрался с базы к нам, с ним еще пять человек. Рейс короткий — полтора верст туда и обратно. Перед Новым годом торопились, хотели к празднику обернуться, встретить его на базе. Ехали они по кромке озера, чуть сбились со следа, и от рез-

кого рывка тележка с углем, которую вез вездеход, провалилась. Тележка в свою очередь дернула машину, та заглохла. Пока выясняли, что к чему, аккумуляторы сели. Оставалось одно — ждать помощи. Все равно их должны были хватиться, ведь эти 180 километров — всего десять часов ходу. Через сутки, в крайнем случае, должны были хватиться.

Спальники у них, конечно, были, горючее керосин. А вот продуктов оказалось негусто. Вездеход застрял в распадочке, Паша с Иваном протоптали тропочку на бугор, чтоб регулярно окрестности обозревать — мало ли что... Вот они вдвоем и показывали признаки жизни. Остальные как-то очень быстро в спячку ввали.

И вот так день за днем, точнее ночь за ночью: ведь декабрь стоял — вершина полярной ночи, отстукали часы пять суток. Шестые пошли. И вдруг возглас:

— Самолет слышу! Пускай ракету!

Паша Совин пустил заряд.

Вылезли наружу, но как ни вглядывались в серое сумрачное небо, не было там никакого самолета. Слуховая галлюцинация случилась у парня.

Небесный у топографа ракетницу отобрал, положил себе за пазуху:

— Последний патрон. Стрелять буду, когда все самолет увидим.

Иван Иванович постоянно поднимался на бугор. Силы и его уже покидали, но он ползком лез наверх.

И увидел-таки самолет, а ведь сумерки уже стояли, облачность низкая. И хоть договоренность была, чтобы стрелять только с общего разрешения, достал из-за пазухи ракетницу и выстрелил, потому что самолет-то уже улетал. С воздуха ничего не заметили и летели обрат-

но на базу. Оказывается, их искали уже трое суток, а до этого была совершенно нелетная погода. Ерицян, начальник партии, который находился на борту, увидел какой-то отблеск, мгновенное рассеяние света. Он сказал командиру. Тот постучал по часам: время, мол, полетное на исходе. Но Арташес Арамович настоял на том, чтобы вернуться.

Самолет начал делать круги: надо было еще и место для посадки выбрать. А уже почти полные сумерки. Паша Совин здесь все свои топографические навыки показал: каким-то невообразимым способом летчиков сориентировал, как садиться на этом косогоре.

Ерицян вышел из самолета. Но никто не спешил к нему навстречу. Те, что лежали в спальниках, так из мешков даже не вылезли. Небесный стоял всего в двухстах метрах, но сил пройти их не было. Совин лежал на снегу.

Ерицян прихватил с собой шоколад, сгущенное молоко, термосы с горячим чаем. Пятеро с вездехода, напившись чаю, сразу полезли в самолет.

И вот самое-то удивительное начинается именно в этот момент. Иван Иванович, выпив кофе и сжевав пару плиток шоколада, начал ставить свежие аккумуляторы, привезенные Ерицяном.

— Пропади оно пропадом,— говорили ему,— поехали на базу.

Ерицян тоже осторожно советовал:

— Иван Иванович, может, отдохнуть следует?

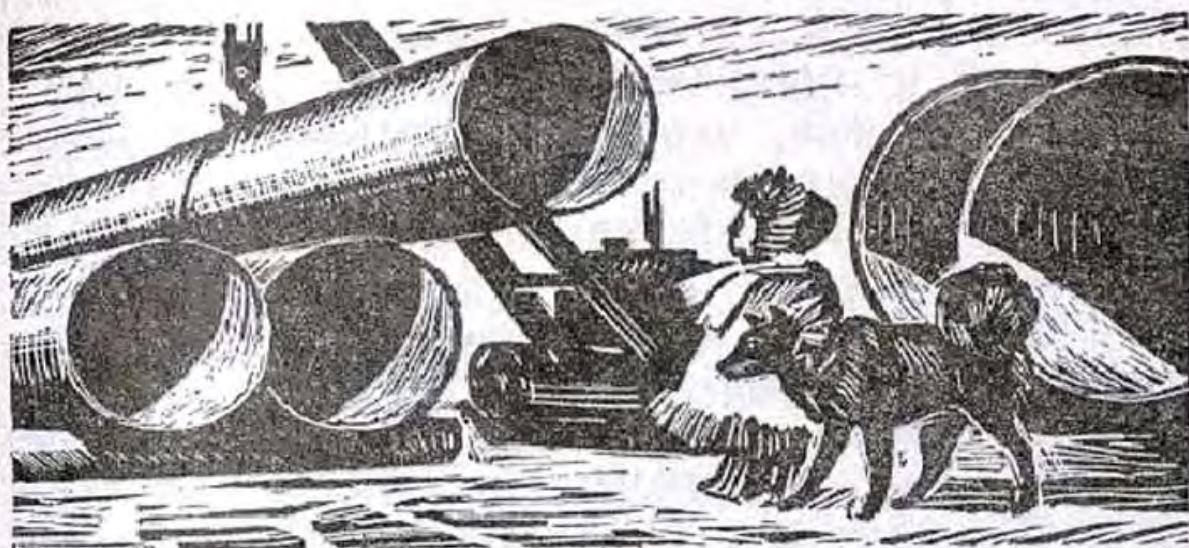
— С таким припасом, который вы нам дали, можно зимовать до весны.

Совин тоже остался с ним. Они поставили аккумуляторы, запустили мотор, благополучно дошли до топоотряда, разгрузили масло,

солярку и уголь, которые там ждали. И через сутки вездеход Небесного уже был в Се-Ях.

Другой бы на месте Ивана Ивановича, да что другой, я сам бы про такой случай уж конечно, сумел рассказать. А ведь эту историю, историю правдивую, я не от Небесного слышал.

Понимаете, уже одно то, что ты вписываешься в круг людей такой крепкой породы, работаешь рядом с ними, плечом к плечу, повышает твою человеческую значимость. Есть прибыльные должности, есть престижные. Я же свою человеческую должность — геофизика — ни на какую другую не променяю. Хочу, чтобы всегда со мной был запах ягеля.

Детство в суровом краю

А сейчас хотелось бы ненадолго отвлечься от непростых, порой драматических судеб и окунуться в незамутненный мир детства.

...Когда попадешь на разведочную буровую, в трассовый городок строителей трубопровода, на газовый промысел, в пионерный поселок монтеров железнодорожного пути, то на первых порах ходишь с ощущением, что чего-то здесь недостает. И внезапно осенит: недостает детей, их озорства, беззаботного смеха...

Конечно, если здешние условия не всегда переносят взрослые, то детей-то уж они берут с собой в чрезвычайно редких случаях. И, конечно, дети, живущие, скажем, на трассе, что-то теряют. Ведь взрослые тут работают больше, чем в обычном городе. Но, с другой стороны, разве малыши с первых своих лет не получают здесь ежедневные уроки верности и мужества?

Наверное, социологи со временем выяснят, что значит в нравственном смысле присутствие даже одного пацаненка в трассовом поселке. Однако и сегодня ясно, что северная

семья — мощная сила первоосвоителей, хотя кадровики и предпочитают по инерции холостяков. Надеюсь, что эти короткие новеллы о встречах с юными северянами помогут не сколько в ином свете увидеть человека на Севере.

Юный полярник

Здесь даже взрослые не задерживаются долго. Геологи и строители прилетают в Харасавэй, на берег Северного Ледовитого океана, только на вахты. Суров местный климат. Лишь полярные метеорологи прописаны постоянно.

Но молодые родители Лидия и Валерий Ковали соскучились по своему сыну. Так четырехлетний Женя оказался в Арктике. И вот уже третий год он — единственный харасавэйский житель «моложе шестнадцати лет». Был друг Левка, к которому Женя ездил на «полярку» за 20 километров, но сверстника увезли на Большую землю.

Родители работают в аэропорту: мама — синоптиком, папа — начальником радиоаппаратной. Живут они в теплом балке, который построил глава семьи, здесь же, в аэропорту. Шестилетний мальчуган в краснозвездном шлемике первым бежит встречать прибывающие самолеты.

Женя помогает маме не только по дому. Приходит к ней на службу и, глядя в синоптические карты, квалифицированно спрашивает:

— Это что за такая тропопауза? Неужели холодный фронт приближается?!

Мама, чтобы мужчинам не было скучно в тесноватом балке, посадила зелень. Хорошо переносит полярную ночь оригинальный цве-

гок с несолидным названием «Ванька мокрый». Женя, как увидит на нем прозрачную каплю, сразу докладывает матери:

— Сегодня дождь будет.

«Синоптик» в цветочном горшке еще ни разу не подводил.

Женькины товарищи по играм — северные лайки — так же неугомонны, как и их хозяин. Нордика считали «несерьезной» собакой. Но пришло время, и он показал свой настоящий собачий характер. Зимой намело столько снега, что балок оказался в огромном сугробе. Чтобы попасть домой, пришлось отцу с Женей копать целый тоннель. Однажды ночью мама слышит: кто-то ходит по крыше. Она пошутила:

— Уж не хозяин ли?

Утром выглянули — правда, на крыше медвежьих следы. Потом белый «хозяин льдов» снова пришел посмотреть на современную воздушную технику. Даже люди растерялись, но только не Нордик. Он отважно помчался на опасного гостя и отогнал его.

Конечно, без сверстников скучновато. Но в Харасавэе творятся такие события, что Женя ни за что не хочет уезжать отсюда. В апреле, когда Карское море было заковано в панцирь толстых торосистых льдов, вдруг на горизонте появился... корабль. Это был атомход «Ленин».

Папа сводил Женю на «Ленина». Такого красивого корабля сын даже в книжках не видел. Особенно ему понравилось в рулевой рубке. А еще на верхней палубе. И вообще — везде.

Скоро закончится срок трехлетнего трудового контракта, который заключили взрослые Ковали. Они вернутся в родное Запорожье. Жалко. На будущую весну должен прийти ато-

моход и целый караван дизель-электроходов
Но кто сможет забыть свое детство в крак
настоящих мужчин, в Арктике: игры на песча
ных берегах студеного моря, встречу с белым
медведем, северных храбрых лаек, приятелей-
летчиков, которые запросто могут покатать
на самолете, экскурсию на атомоход?

Чувствую, как вы вздыхаете:

— Женьке повезло...

Димкины трассы

За поселком глухо ухнуло. Вот уже чет-
вертый вечер недалеко от Пяку-Пура что-то
взрывали.

— Эксперимент,— со значением произнес
папа незнакомое слово.

— И зачем это хорошую трубу на клочки
рвут? — вздохнула мама. — А еще ученые.

— На прочность испытывают, — объяснил
отец. — Ведь труба-то из новой стали. Такой
еще не было.

Вот какой знаменитый поселок Пяку-Пур,
если сюда из Киева специалисты едут экспе-
рименты проводить! На других трассах (а
Димка Городничев за свои неполные шесть
лет прошел их уже четыре) такого не было.

В трассовом городке из балков и вагончи-
ков, которые выросли улицей вдоль берега
таежной речушки Пяку-Пур, детей немного —
всего двое. Димин папа — тракторист, а ма-
ма — заведующая складом. У них есть жилье
в Надыме, но одного мальчика не оставишь,
а ехать к бабушке на Волгу Дима наотрез от-
казался. У сверстника Олежи Зольникова
отец — сантехник, а мама — кочегар. Двена-
дцатилетняя сестренка Таня учится в Молда-
вии, у бабушки, а Олег путешествует по трас-
сам, Сургут — Уренгой — у него уже шестая.

Он, можно сказать, прирожденный трассовик. Шесть лет на Севере не всякий выдержит.

Как-то старший Городничев на своем тракторе отвез ребят на «потолки», на то место, где сварщики, труба за трубой, варят нитку газопровода. Только эта «ниточка» в диаметре полтора метра, даже взрослые, чуть согнувшись, в нее входят, а Димка с Олегом шагать могут и не нагибаясь.

Но Димке на «потолках» не очень понравилось, там все работает, крутится, не подступишься: в трубу-то здесь уж точно не залезешь. Зато за поселком, на стеллажах, бегай сколько угодно. Когда надоедает бегать в пяку-пуровском, как сказала мама Фая, «метро», можно заняться собаками. Их здесь много. Самый интересный был Федька, белый, как медведь, только черное пятно на лице.

— Да не на лице, — сердится отец. — У собак — морда.

Папе лучше знать, но когда Федька смотрит тебе в глаза, сразу можно понять, что у него не морда, а лицо.

Прошлой весной Пяку-Пур вышел из берегов и в поселке началось наводнение. Все собаки отсиживались на овощехранилище, куда вода добраться не могла. А балки — плавали. Правда, Димка этого не видел, ему Олежка рассказывал. Димку еще раньше увезли, а Олег последним вертолетом выбирался. С вертолета казалось, что кругом не тайга, а океан.

Вообще воды здесь много. Отец берет Димку на рыбалку. Знатные попадают караси и щуки. Одна такая щука Федьку за лапу укусила. А однажды отец поймал на крючок сорожку, тащит, вдруг за сорожкой щука устремилась. Хватать! Но и отец не сплеховал — как де-ернет! И сорожку вытащил, и щуку. Вот та-акая щука была.

— Трассовиком будешь? — спросил я Димку.

За него ответила мать:

— Вертолетчиком. Он, когда в вертолет садится, сразу в кабину. Его уже все здешние пилоты знают.

— И не боишься?

— Ха, — ответил Димка, и сразу было видно, что это отвечает настоящий воздушный ас.

Дедушкина тундра

Илка живет в городе. Здесь ходит автобус, работает телевизор и даже в полярную ночь светло, потому что на улицах горит люминисцент, люминисцент.

Илкину маму в этом городе знают все. Правда, маму Тасю называют «Инзеледа, инзеледа». Илкина мама — диктор ненецкого радио. После того как она скажет «Инзеледа инзеледа!» («Внимание, внимание!»), начинаются передачи на родном языке.

Скоро Илке в школу. А пока он ходит в детский сад. Но гораздо больше Илка любит ездить к бабушке и дедушке, которые живут в тундре. Там очень интересно. Это только тот, кто не бывал там, считает, что тундра — пустыня.

Когда я попросил Илку что-нибудь нарисовать, он сначала провел четкую линию. Она обозначала горизонт. Потом нарисовал двангу — шести, которые образуют остов чумажилище дедушки Тимофея. Потом Илка «покрыл» шести оленьими кожами так, чтобы в чуме можно было разжечь костер. Над оконечным чумом закурился дымок. Ясно, что бабушка варит мясо на ужин. Чтобы было видно, что происходит в чуме, Илка «приоткрыл» нюк — шкуру, которая висит у входа.

Дедушка сидит у очага и курит трубку, отдыхает: они только что ездили с Илкой за много километров смотреть семейное стадо.

В этом году в тундре много куропаток, всю дорогу они дразнили Илку, выглядывая из-за небольших холмиков.

— Эх, — сказал Илка, — что же это мы, дедушка, ружья не взяли?

Дедушка помолчал немного, а потом ответил:

— Большой всегда убьет маленького. Лучше ты попробуй перехитрить птицу. Приедем, я тебе дам силки, если сумеешь поставить их как надо, к тебе придет удача.

Покончив с чумом, Илка начал рисовать нарты, которые стоят около жилища. На каждой нарте лежат хамдеры — поклажа, покрытая специальной оленьей шкурой. В хамдерах лежит все, что нужно для жизни в тундре: мороженая рыба, куропатки, мясо, шкуры, посуда. Чум разбирается легко, даже женщине требуется только два часа на эту операцию. Разобранное жилище укладывается на нарты, остальные хамдеры уже готовы, и можно двигаться дальше, на новое пастбище, где для оленей есть хороший корм — ягель.

Илка нарисовал и свою нарту. В его хамдере лежат подаренные дедушкой уздечка и хорей. Хорей небольшой, но им тоже можно управлять оленьей упряжкой. Когда Илка подрастет, дедушка подарит ему настоящий хорей и тынзян, которым ловят оленей.

Когда Илка начал рисовать оленя, мама рассмеялась:

— Сын, да ведь это же не олень, а собака!

— Что ты, мам, смеешься? — обиделся Илка. — Ведь это мой авка, ведь он еще совсем маленький, разве ты не помнишь?

Когда Илка отдал рисунок, я спросил:

— Все нарисовал?

Мальчик задумался и серьезно сказал:

— Нет.

Он взял рисунок и над чумом нарисовал самолет.

— Это АН-2,—объяснил. — Он летит рыбных промыслов в Епоко, везет рыбу в Селхард. Сегодня в тундре самолетов больше, чем чумов,—добавил Илка фразу, которую слышал от бабушки.

Илка живет в городе, он любит его. Но больше всего он любит бабушкину тундру.

Поэтому, когда вы его спросите, кем он хочет стать, ответит:

— Оленеводом.

Школа с четырьмя партами

Горы возвышаются сурово, неприступно. Но после вчерашней пурги вершины из окошка выглядят чисто, уютно, по-домашнему. Будто попал в гайдаровский мир, мир Чука Гека, которые жили в поселке геологов у Синих Гор.

Поселок — база геологоразведчиков Полярного Урала — невелик, в нем всего с полтора десятка домов. Но школа здесь имеется. Только... Саша, Люда, Юрик, Олег, Сережа, Света — вот и вся школа. В ней четыре парты, три класса и одна учительница. На Ямале нет школы меньше. Наверное, нет меньше и в Тюменской области. Вероятно, и в нашей стране она самая маленькая. Может, у нее и есть конкуренты, но все-таки заманчиво учиться в школе у Синих Гор.

Командир «звездочки» Саша Федорчатов рассказал мне, чем занимаются ребята. Света Тихомирова — строгая санитарка. Юр

Пахтусов — заботливый цветовод. Люда Толстунова — толковый библиотекарь. Только у первоклашки Олежки Острокостова еще нет задания. Самая трудная общественная должность у Сережи Довжко. Он игровик. Ему приходится все время что-то придумывать, чтобы на переменах не было скучно.

Особенно популярна игра «Смелая коза». Ученики становятся в круг, поют песню. Если кто-то сфальшивил, ему завязывают глаза и ставят в круг. «Смелая коза» должна поймать поющего и назвать его. Пойманному и придется водить.

Еще ребята бережно выращивают хрупкую росточку далекого юга — пальмочку. Собирают красивые камни, которые приносят из далеких маршрутов их отцы и матери — геологи. В живом уголке есть настоящая куропатка, которую кормят и оберегают. Шесть школьников катаются с высокой горы, ходят на экскурсии, собирают гербарий.

Мы разговаривали с ребятами уже после занятий. В единственном классе было чисто уютно, но за стенами вновь заколобродила еукротимая здешняя пурга, и из окна было видно, как бородатый геолог по снежному тоннелю почти ползком пробирался к входу в столовую.

И подумалось, что юным моим собеседникам нужно обладать достаточным мужеством, чтобы жить в этом краю и любить эти горные горы.

Где бы мы ни жили, как бы нас ни было мало, мы всегда осознаем себя частицей большой страны и большого народа.

Трудный хлеб Севера

Знаменитые северные пурги метут не каждый день, пятидесятиградусные морозы тоже не столь часты. От тех, кто надежно осел в здешних краях, вряд ли услышишь о морозах и метелях, да и о других бытовых неудобствах. Об этом узнаешь от тех, кто уходит или бежит.

Есть тихие — уезжающие без скандала, потихоньку, в глубине души сознавая, что оказались слабоваты для здешней жизни. Но есть и дезертиры принципиальные, громогласные. Эти предпочитают обвинять во всем других.

Как-то привелось попасть к нефтеразведчикам, которые высадились в глухой тайге, обустроивая здесь базу своей экспедиции. В первом десанте было около сорока человек. Им-то и пришлось вытаскивать с барж на береговые хляби буровые станки, вездеходы, пиломатериал, мешки с цементом, продукты, чтобы обеспечить себя на долгую зиму и работой, и хотя бы сносным жильем. Разворачивали балки, монтировали вагончики, рубили

сараяшки под склады. В те дни никто не говорил об аврале и штурмовщине. Надо было закрепиться на плацдарме. И они работали. Часов в сменах не считали. Жили в палатках. Варили на костре. Оставляли свои кирзачи в непролазной грязи. И обустроивались надежно.

Какая-то особая атмосфера царила в необитаемом поселке первопроходцев. Потом все станет чинно и благородно, а пока живут табором, веселятся — так всем поселком, новостей не скрывают. Трудный быт теснее сплачивает людей.

А мой случайный знакомый в опрятном джинсовом костюме выглядел здесь инородным телом. Он приехал сюда из Тольятти и возглавил службу энергетики.

— Уезжаю, — сразу признался он мне, — такого кавардака мне видеть не приходилось.

В экспедиции его практически ничто не удовлетворяло: все было плохо, безобразно, дико, провинциально. Он емко сформулировал: организационный примитив, вопиющая бесхозяйственность, технологическая безграмотность, снабженческая дремучесть. Люди, которые работали вместе с ним, по его оценке, были одержимы одной мыслью — не возражать начальнику.

Главный энергетик свою энергичную речь закончил лаконично:

— Документы уже передал в прокуратуру.

Когда позднее я разбирался во всем этом, оказалось, что некоторые факты действительно заслуживали внимания следователя, но многое было не совсем так, а многое и совсем не так, как это вытекало из речи моего собеседника. А уж духом низкопоклонства в этой рабочей среде и совсем не пахло. Просто всех,

кто не соглашался с ним, главный энергетик зачислял в лагерь противника.

Действительно, в новой нефтеразведке доподлинной научной организации труда далеко. Но если другие — буровики, инженеры, геологи (а они тоже умеют резко критиковать) — понимали, почему они здесь, понимали, что если не сделают они, то не сделает никто, то мой знакомый считал, что все необходимые условия для работы и жизни ему должны предоставить сразу и немедленно. Отсюда и вытекал критерий — оценивать все не по тому, что сделано в труднейших условиях, а по тому, что еще не смогли сделать. Несделанного, конечно же, было гораздо больше. Я заметил:

— Сдается, что на Севере вы рассчитывали на легкий хлеб.

— Мы сами делаем его трудным.

— Но ведь на ваше место придет другой человек, наверное, со своими слабостями, и ему придется решать те проблемы, от которых вы бежите.

— Пусть. Но уже без меня, — последовал запальчивый ответ.

...Вся страна помогает Северу. Но это вовсе не означает, что здесь что-то делается легко, легче, чем где-нибудь.

Как было не вспомнить усталое лицо другого своего знакомого. Коренной москвич, кандидат наук, он приехал сюда, чтобы заниматься прикладной наукой в «чистом виде». Но ему часто приходится заниматься тем, что наукой можно назвать лишь относительно.

...Милиционер, проводивший досмотр в аэропорту Внуково, обратил внимание на длинный стержень, который держал в своих руках высокий молодой человек. Пассажир поспел на регистрацию явно в последний момент.

— Что это?

— Глубинный снаряд,— машинально, думая о чем-то своем, ответил высокий.

— Снаряд? — профессионально поинтересовался сержант, делая шаг по направлению к стержню.

— Прибор, прибор для глубинных исследований,— поспешил исправить свою оплошность опаздывавший. Но, кажется, было уже поздно. Милиционер предложил положить «снаряд» на стол, а когда помогал укладывать, услышал явственное тиканье.

— А это что такое? — спросил он, одновременно снимая трубку телефона.

Через несколько минут пассажир в тесноватом кабинетике объяснял милиционерам, что везет глубинный термограф «Сириус», внутри которого смонтированы специальные часы.

— Прибор существует всего в считанных экземплярах,— убеждал обладатель опасного стержня. Но и этот аргумент не подействовал. Пришлось снимать багаж, объяснять назначение также тикавших небольших металлических цилиндров. Затем по поводу этого тиканья объясняться со стюардессой и командиром корабля.

...Леонид Григорьевич Кульпин смеется:

— Вот с такими приключениями «Сириус» попал в Уренгой.

Глубинный термограф подарили уренгойцам во Всесоюзном научно-исследовательском институте комплексной автоматизации нефтегазовой промышленности. Кульпину пришлось обежать многих своих столичных друзей. Но агитировать особенно не пришлось: где, как не на уникальном Уренгое, могли в первую очередь пригодиться первые образцы приборов! Кульпин заехал в институт перед самым отлетом. Ему нужно было проверить специ-

альные часы «Сириуса». Пользуясь моментом, попросил:

— Ребятки, может, у вас еще такие часы найдутся?

«Ребятки» расщедрились. Отправляя часы в далекое путешествие, проверяя их, завел все четыре цилиндра. Дальше был бдительный милиционер... Знал бы он, что значит для пассажира подозрительный стержень! Но для этого нужно было знать, что такое газовый конденсат.

В пласте, на глубине — это чистейший газ. А на поверхности жидкость, но такая разная может быть прозрачной, как родниковая вода, а может — темной и густой, как смола. Даже из одной залежи можно получить несколько разных конденсатов, что уж говорить о разных пластах! Полезность тоже весьма большая: шоферы прямо у газоконденсатной скважины заправляют баки своих КраЗов, «Ураганов». Здесь же могут заправляться трактора и бульдозеры. Конденсат возят в цистернах и отопляют им котельные.

— Конденсат называют «белой нефтью», — сердился как-то Кульпин. — Вроде делают одолжение, хотя по своим полезным компонентам он — сырье более превосходное, нежели нефть. Да вот популярность у него намного ниже.

От «непостоянства» газового конденсата, динамичности его характера — все трудности, которые преодолевают ученые, чтобы их не пришлось преодолевать разработчикам.

Характер у конденсата серьезный. Как-то опытная бригада испытателей нефтеразведки зазевалась на часок. Скважину мгновенно «прихватило». Несмотря на то, что на дворе стояло лето, она замерзла — в стволе образовался столб льда высотой в несколько сот мет-

ов. Бригаде очень долго пришлось его расковыривать, чтобы все же провести испытания.

На Медвежьем та же история произошла а действующем газопроводе. Конденсат попал трубу. Поток газа остановился. Срочно пришлось вызывать сварщиков и заменять пятидесятиметровый участок стальной нитки.

Когда глыбы голубоватого льда поджигали, они сгорали совсем, словно испарялись, не оставляя после себя даже лужицы.

Но эксплуатационники еще всерьез с конденсатом не встречались. Все еще впереди. Впереди — значит, на Уренгое.

Когда открыли Уренгой, новоиспеченный кандидат технических наук Леонид Кульпин еще не знал, что сибирские буровики своим открытием изменили и направление его биографии. Сотрудник объединения Союзбургаз воевал по командировкам, занимался подземными хранилищами газа и вместе со своим коллегой Ю. Мясниковым собирал материал для монографии. (Гранки книги «Гидродинамические методы исследования нефтегазосодержащих пластов» он будет читать уже в Уренгое.)

Жена Наташа работала в объединении Союзгазгеофизика, воспитывала трехлетнего Димку и пестовала другое «дитя»: она писала диссертацию по исследованию газовых скважин.

Чтение статей, посвященных Тюменскому Северу, вошло у Леонида Григорьевича в систему. Из специальных журналов он с некоторой завистью узнал о том, какие интересные залежи встречают геологи на Севере. В популярных — сурово-мужественными мазками рисовалась тяжелая жизнь первопроходцев.

Он показывал супруге специальные журналы:

— Ты же видишь, нужно налаживать глубокие стационарные исследования.

Наталья Матвеевна напирала на популярные:

— Ты подумал, куда нас везешь?

«Нас» звучало мило и бесповоротно. Но когда в 1971-м диссертация была успешно защищена, а Дима пошел в школу, Леонид Григорьевич подвел черту:

— Двое взрослых рыцарей обеспечат уют одной хрупкой женщине.

Они заключили договор с только что организованным в Тюмени Гипрогазом и получили направление в лабораторию газоконденсатных исследований, которую следовало организовывать на базе Уренгойской нефтеразведки.

Первое препятствие Кульпин встретил в институте.

— Оставайтесь в Надыме, — предложил директор, — зачем вам лезть в Уренгой? Надым уже город, там у нас экспедиция, материальная база, можно рассчитывать на благоустроенную квартиру.

— Нет, — твердо ответил Кульпин. — В договоре указан Уренгой.

— Смотрите...

И сейчас еще на берегу Пура стоит одноэтажное продолговатое здание. Быстрый в этом месте Пур подмывает берег и уже унес дорогу, которая проходила здесь, а сейчас обнажил ветхие венцы бывшего общежития. Для сотрудников Уренгойской комплексной научно-исследовательской экспедиции этот барак памятен: через него прошли все. Носили воду на крутояр, заготовливали дрова, откапывались от снега — все приблизительно так, как описывалось в «героических» очерках.

Не меньшей проблемой был и производственный корпус. Лаборатории выделили часть

комнат в бывшем общежитии. Другую часть начальник отдела кадров нефтеразведки использовал как испытательный пункт. Сюда селили вновь прибывших, чаще всего неисправимых холостяков. Если новый нефтеразведчик «карантин» проходил, его переводили в более комфортабельное общежитие, но это случилось не особенно часто.

Начальник нефтеразведки, человек крутой и решительный, хмуро смотрел на новый отряд «научной братии».

Кульпину он сказал откровенно:

— На мою помощь особенно не рассчитывай: я и со своими геологами через день ругаюсь, а вы даже из другого ведомства.

Но бои местного значения за обладание жилыми и производственными площадями шли параллельно с научными исследованиями на газоконденсатных скважинах. Коллектив в лаборатории подбирался молодой, но квалифицированный, настроенный на рабочий лад.

Сергей Михайлович Лютомский имел хороший северный стаж, он приехал из Лабытнангов. Приехал вместе с женой. Нэлли Муслимовна была однокашницей Кульпиных по Московскому институту нефтехимической и газовой промышленности.

Приезд в Уренгой Николая Дурицкого — свидетельство того, насколько полезно читать тезисы докладов всесоюзных конференций. В 1974 году такая конференция проводилась в Чернигове и была посвящена проблемам разработки газоконденсатных месторождений. Естественно, слово «Уренгой» там фигурировало достаточно часто. Старший геолог треста Черниговгазразведка Дурицкий на конференции не присутствовал, но в тресте под расписку ему выдали тезисы докладов. Если бы уп-

равляющий знал, какое впечатление произведут они на Николая Николаевича...

Вернее всего, сборничек, отпечатанный на ротапринте, был лишь последним толчком к решению попробовать себя в большом и интересном деле. Вскоре в Уренгое получили письмо с просьбой не отказать в работе.

Когда молодой специалист приезжает в экспедицию, Кульпин окидывает его откровенно оценивающим взглядом: сможет ли новичок выдержать тяжелые морозы — условие для приема непеременимое. По неписаному джентльменскому соглашению женщин-сотрудниц на полевые исследования не посылают, это привилегия мужчин. Инструкции рекомендуют основной объем наблюдений и опытов проводить летом. Но в тундре летом дорог нет, вертолет — вещь дорогая, поэтому большую часть исследований приходится выполнять зимой. Если глубинные термографы пишут температуру плюс девяносто, то градусник на воздухе переходит за минус сорок. А на скважине иногда приходится проводить по многу часов подряд. Так что всякий, кто собирается в Уренгой, должен проверить себя на морозоустойчивость.

В экспедиции тридцать с небольшим человек, ценен каждый, и каждый ощущает повышенную ответственность.

«УКГ-3. Бомба равновесия. Установка для газоконденсатных исследований». Такой вот аппарат пришлось доставлять из Москвы в Уренгой на ЗИЛ-131 водителю Петру Иосифовичу Рожинову и его напарнику Андрею Степановичу Степанову.

Атлас автомобильных дорог спрятали под сиденье за Серовом: шоссе кончилось. Достали карту Тюменской области, но перед Сергино и ее пришлось убрать: единой дороги не

было, а леспромхозовские зимники заводили далеко в тайгу. Выручал свой брат шофер, который тут же, на сыром майском снегу, чертил схему дальнейшего пути.

Переправа была еще надежная...

Москва выделила Уренгойской экспедиции новую машину и экспериментальную установку. Конечно, можно было отправить груз поездом, потом бы в навигацию его привезли в Уренгой. Но нужда заставит... Так и родилась идея беспрецедентного рейса Москва — Уренгой с «бомбой» в кузове. Еще ни один водитель не совершал подобного маршрута в 7 тысяч километров длиной, причем последняя тысяча проходила практически по бездорожью. Но Кульпин верил в того, кто сидел за баранкой.

Петр Иосифович появился в поселке три года назад. В нефтеразведке ему отказали: возраст уже немолодой. Кульпин трудоустроил. Рожинов привез семью — жену, четырех сыновей. Было видно, что человек он основательный: сам начал строить для себя домик — случай на Севере редкий, а на новостройках вообще уникальный. Строил не времянку, основательно. Вообще пожилой этот бородач производил впечатление олицетворенного спокойствия. Было видно, что рождается оно от осознания рабочей своей значимости, профессиональной нужности и постоянной полезности. Петр Иосифович сидел за баранкой уже сороковой год, начинал еще до войны. Потом десять армейских и фронтовых лет.

— За Обью-то и началось, — неторопливо повествует Петр Иосифович, прихлебывая чай. — Не припомню больше такой дороги: яма на яме, хотя и бомбежки не было. Не ты машиной управляешь, а она тобой, и куда ее в следующую минуту занесет — представить тру-

дно. Одно название, а не зимник. Ладно, про-
скочили. Перед Надымом компрессор отказал.
А тут поземка началась, ветер, как сумасшед-
ший, сечет, мы возимся, компрессор ремонти-
руем. Сумели все же, колеса накачали. Пол-
сотни километров не проехали, вентилятор
нас полетел, не работает обогрев кабины,
стекла замерзают. Опять остановились, ремон-
тируем вентилятор. Ладно, машина новая, ес-
ли что летит, то не до конца. Выкарабкались.
В Надыме привал сделали на полтора дня.
В Ягельное успели к ужину. Сердце радуется:
до дома сотка осталась. Торопимся к вечер-
нему чаю. И тут хватили лиха: дорога после
последней пурги не протоптана, а уже новая
вьюга спешит. Вот и ползли по сантиметру в
час. В поселке ни огня. Только у Кульпиных
свет горит: ждут. Одиннадцатые сутки нашей
дороги начались...

...Равномерное гудение, потрескивание, пе-
ремигивание разноцветных лампочек. Иссле-
довательская «бомба» не велика по размеру
и скорее безобидна на вид.

— Это прибор высокого давления, — объ-
ясняет Сергей Лютомский, — с помощью кото-
рого моделируем процессы, происходящие в
пласте. То, на что нужно потратить 10—15 лет
натурных наблюдений, можем получить за
месяц.

— Установка не уникальная, — подсказыва-
ет Кульпин. — Такие есть в десятке крупных
научных центров. Но в условиях северной ме-
стности на ней еще никто и никогда не рабо-
тал.

Обращаю внимание, что агрегат высоко
поднят над полом:

— Так положено?

— В Уренгое, — подхватывает Леонид Гри-
горьевич. — Ведь нас заливает каждую весну.

Видите эту полоску на шкафе? Наводнение оставило метку.

Высота метки — добрый метр.

Импульсивно замигала одна из лампочек. Сергей Михайлович приглашает заглянуть в смотровое стекло. Глазок невелик, но впечатление как на самолете, который попал в облака: белесоватая муть. Помутнение предшествует тому важному для исследователей явлению, которое они называли «точка росы». «Облако» в смотровом стекле набухает, темнеет, конденсируясь в первую каплю. Мы наблюдаем процесс образования конденсата из газа, процесс, происходящий на больших глубинах.

С помощью «бомбы равновесия» уренгойские исследователи установили несколько ситуаций, которые помогут им сделать важные выводы, а главное — выдать эксплуатационникам рекомендации: как поставить под строгий контроль этого неуловимого, постоянно меняющего свое обличье подземного джинна — газовый конденсат.

«Бомба» позволит решить и другую важную задачу — каким образом вести разработку газоконденсатного пласта. Чтобы продуктивная залежь отдала как можно больше своего полезного содержимого, в ней необходимо поддерживать первоначальное давление. Для этого в пласт закачивают воздух, пар. Существует в мировой практике процесс, когда «жирный» газ (конденсат) из залежи вытесняют «сухим» — газом из более верхних горизонтов. Получая один полезный продукт, теряем другой.

Группа Лютомского предлагает метод частичного поддержания давления. Метод не сложен, но, видимо, целесообразен. В этом случае газоконденсатный пласт работает как газовое хранилище. Отбор и закачка произ-

водятся циклично. Отработавшая скважина переводится в разряд нагнетательных. Это существенно увеличивает коэффициент извлечения, скажем, для пласта БУ-13 на Уренгойском месторождении — на два десятка пунктов, 75 процентов. Каждый процент — миллионы тонн полезнейшего сырья.

Специалисты уренгойского научного форпоста могут считать свой вклад в освоение месторождения весомым. Создан рациональный комплекс газогидродинамических и газоконденсатных исследований, в первую очередь это заслуга группы, которую возглавляет Наталья Матвеевна. Существующие инструкции конкретно «подправлены» под Уренгой. Уточняется «скелет породы»: лучше это выяснить перед разработкой валанжинского пласта. Рекомендации ученых с успехом используются при исследовании скважин уже не только на Уренгойском, но и на Заполярном, Ен-Яхинском, Юрхаровском месторождениях. У геологов повысилась точность подсчета запасов.

Не зря, видимо, экспедиционные отчеты невозможно достать в институтской библиотеке, куда они сдаются. За ними сразу устанавливается очередь.

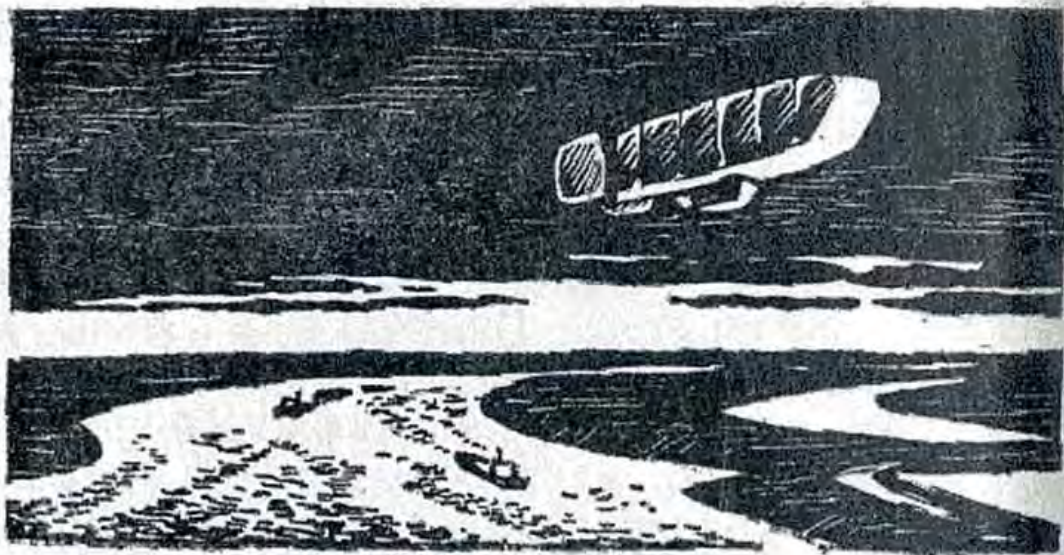
Конечный экспедиционный продукт — данные, на которых базируется комплексный проект разработки Уренгойского месторождения.

Свет в кабинете Кульпина гаснет, пожалуй, позже, чем в любом другом учреждении Нового Уренгоя. Бывает, в минуты особого утомления приходит мысль о том, чтобы найти место поспокойнее, поработать над одной темой, подготовить докторскую. Квартира в Москве есть, северный стаж — лучшая протекция в любой институт газовой промышленности. Но, видимо, минут этих трудных немного, а

может, какая-то другая причина заставляет Леонида Григорьевича с утра окунуться в пестрые заботы служебного дня, а к вечеру еще и поспеть померзнуть на исследовании скважины.

...У меня на полочке стоит мензурка с золотистой жидкостью. Педантичная надпись Кульпина: «Скв. № 134, залежь БУ-12, инт. 2879—2886 м». Гляжу на этот незамысловатый подарок и думаю: не просто мощной энергией обладает конденсатный пласт, а прямо-таки взрывной силой. Она срывает людей с насиженных мест, заставляет обживать холодные и суровые края в поисках тепла для людей.

Дайте Епхиеву дирижабль

По привычке после слова «тундра» так и тянет добавить — «безлюдная». Но безлюдная ли? Особенно в районах освоения, там, где прокладываются трассы магистральных трубопроводов, поднимаются корпуса мощных промыслов, компрессорных и насосных станций, где нефтеразведчики ставят свои базы и подбазы. Если на карту наносить все новые и новые поселки — буровиков, трассовиков, газодобытчиков, электромонтажников, нефтяников, сейсморазведчиков, строителей, — то пространства Ямала не выглядели бы так пустынно, как на самых недавних атласах.

Но поселки первопроходцев — кочевые, временные. Сделали рабочие, что требовалось, и снова в путь, подобно здешним оленеводам. Только вместо чумов — передвижное жильё на санях из труб.

Временным планировался и Старый Надым, находящийся от Надыма всего в 17 километрах. Здесь поселилась небольшая партия геофизиков, к ним присоединились трассовики, потом обслуживающий персонал многочислен-

ных производственных баз. Город стоит далеко от реки, а Старый Надым — на самом берегу. Начали восстанавливать «мертвую дорогу», не достроенную в послевоенные годы железнодорожную трассу Салехард — Игарка. Появилась станция Надым-пристань.

Словом, разрастался поселок, а статус его оставался — «временный», то есть не положено здесь ни школы, ни больницы. Зачем они, если рядом крупный центр?

Однако, видимо, не все учли проектировщики. И вот потому, что живую жизнь не в каждый план можно втиснуть, пришлось Георгию Ивановичу Епхиеву, начальнику строительного-монтажного управления № 1 треста Севертрубопроводстрой, стать директором школы. До этого ему приходилось работать директором, но в производственной дирекции по обустройству газопромыслов и трубопроводов.

Школьным директором Георгий Иванович стал, мягко говоря, неофициально.

Младших школьников в Старом Надыме в 1974 году насчитывалось почти семьдесят. Им приходилось вставать пораньше и ехать на непригодном автобусе в школу. В распутицу, весной и осенью, путь растягивался порой часов на пять-шесть. На успехах в учебе это отражалось, естественно, не лучшим образом.

Епхиев тогда занимался строительством корпуса полевой испытательной лаборатории. Он видел, как маялись малыши, а работники СМУ — их родители — не находили себе места, когда, возвращаясь со смены, не застаивали детей дома: те были еще в пути.

Зашел Епхиев в отдел кадров и выяснил, что есть в управлении выпускники пединститутов. В СМУ они работали, естественно, не

по специальности, в лучшем случае — в технической библиотеке, в худшем — разнорабочими по последнему разряду.

Когда собрались все вместе в кабинете Епхиева, Георгий Иванович поинтересовался:

— Поняли, почему вы здесь?

— Догадываемся.

— Ну и как, хотите детишек учить?

— А где?

— Вы мне сначала ответьте на вопрос: хотите?

— Разумеется.

На этом первом «педсовете» и было решено отдать под школу половину здания испытательной лаборатории. Получились две просторные классные комнаты, учительская, раздевалка. Но места все равно не хватило. Под третий класс пришлось отвести угол в фойе недавно сданного рабочего клуба. Первого сентября старонадымская начальная школа была торжественно открыта. Торжественно, но неофициально.

В тресте Епхиев нашел понимание у руководителей, хорошо знавших цену трассового уюта. А вот в горисполкоме, и особенно в гороно, Епхиев получил категорические указания:

— Немедленно закрыть! Детей возить в город!

Георгий Иванович дипломатично разводил руками: «Школу открыл, может быть, и самовольно, но закрыть права уже не имею».

Грозные письма поступали из гороно до самого конца учебного года. Начальника СМУ-1 на соответствующих совещаниях называли «партизаном» и «волюнтаристом».

А дети учились.

Епхиев не из тех людей, кто любит отсиживаться в обороне. В борьбе жизни с инструк-

цией, конечно, сторонников было больше у Георгия Ивановича: для бюрократа северные условия далеко не благоприятны.

К концу учебного года из горно пришла бумага с решением старонадымскую школу признать, но с довольствия СМУ не снимать. Ситуация благоприятствовала. Посоветовавшись со «своими» педагогами, Епхиев открыл и четвертый класс. В августе из облоно пришло разрешение на три класса. Значит, снова надо бороться за «нелегальный» четвертый. Но этим мог уже заниматься официальный преемник первого директора школы.

На втором году существования школы количество учеников увеличилось почти вдвое. Они приехали к родителям от бабушек и тетушек с Большой земли. Сейчас в Старом Надыме восьмилетка. Учащихся более 300 человек. Идут разговоры о том, что пора открывать и среднюю школу: старшеклассников набирается немало.

Итак, «бесхозные» педагоги получили работу. Дети без нервоотрепки овладевают знаниями. Успокоились родители. Ради этого стоило взять на себя смелость произвести вот такую «поправку» к планированию. Несомненно, риск был оправдан. И столь же несомненно грозил хлопотами. Разумеется, рассказывая историю старонадымской школы, вовсе не стремлюсь доказать, что каждый северный руководитель по своему разумению и усмотрению может возводить школы, детские ясли и больницы. Епхиев не мог бы осуществить нужное, доброе дело, если бы не чувствовал до конца своей правоты.

В этом эпизоде Епхиев выразился если не весь, то в главном, самом существенном. Ему не привыкать ставить себя в неловкую (с обывательской точки зрения) ситуацию, в которой

человек попокладистее старался бы найти компромисс.

Познакомился с ним в 1975-м. В Надыме открылась Всесоюзная конференция по применению дирижаблей при освоении Севера. Сразу стало ясно, что главным действующим лицом, заводилой был Епхиев. Это поражало. Кто он? Начальник СМУ. Всего-навсего. Сколько их приходилось видеть, не в обиду будь сказано, погрязших в своих производственных заботах, с кругозором рядового прораба. А Епхиев активно участвует в организации и проведении всесоюзного совещания! Да вопрос-то какой — журавль в небе... Кое-кто и смотрел на конференцию исподлобья, взглядом более чем рядового прораба.

На конференции выступали отличные специалисты, кандидаты технических наук. Все же, на мой взгляд, самым убедительным, самым интересным был доклад, который сделал инженер Епхиев. Он умеет говорить темпераментно, захватывающе, но увлекал не пыл, увлекала истина, аргументированные и веские доводы.

Георгий Иванович брал для примера транспортные расходы одного из типичных северных строительно-монтажных трестов — Надымгазпромстроя. За год он расходует на перевозку материалов порядка 20 миллионов рублей, 3 из них идут на водный и автомобильный транспорт, которым завозится 95—97 процентов всех грузов. А остальные миллионы? На транспорт воздушный, перевозящий оставшиеся 5, а то порой и 2 процента материалов. Можно ли обойтись сегодня на Севере без этого «золотого» вертолета?

...В 1970 году Георгий Иванович прочел брошюрку «Транспорт для бездорожья». (Он тогда первый год работал на Севере, переехав

сюда из солнечного Ставрополья.) Лет уже минуло немало, автора он забыл, но одна фраза врезалась четко и надолго: «Сегодня всем тем требованиям, которые предъявляет Север к транспорту, могли бы удовлетворить давно забытые, забытые без основания дирижабли».

Подозревал ли автор, что этой фразой он мобилизовал в свой лагерь одного из самых активных сторонников? Бывают, видимо, в жизни слова, которые на долгие годы что-то круто меняют в человеке. Точнее, в нем уже все подготовлено для перемены, а такие фразы просто приводят механизм в действие.

Георгий Иванович отыскал проспект научно-практической конференции по новым видам транспорта, которую провели в Сибирском отделении Академии наук СССР еще в 1961 году. В проспекте было имя академика А. А. Трофимука. Как энтузиаст энтузиасту, инженер Епхиев написал академику, спрашивая, где раздобыть материалы конференции и вообще не встречал ли Андрей Алексеевич интересной литературы по дирижаблям.

Ответ из Новосибирска не заставил долго ждать: «К сожалению, Георгий Иванович, ни у меня, ни в нашей библиотеке я не смог разыскать интересующих Вас материалов. Но полностью согласен с Вами, считаю, что проблеме создания воздухоплавательного транспорта надо ставить на общегосударственный уровень. Думаю, что Вам имело бы смысл обратиться непосредственно к министру строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР тов. Б. Е. Щербине».

Но министру, кажется, писать было рано. Зато, следовало разобраться, в каком виде дирижабль перелетел из тридцатых годов в семидесятые. Вскоре Георгий Иванович уже

знал практически всех, кто в нашей стране занимается проблемами новых летательных аппаратов легче воздуха. Действующих энтузиастов оказалось не столь уж и много. В стране нет и единого центра, который бы координировал работу по данному вопросу.

Ученым-энтузиастам, жертвовавшим своим личным временем ради решения «неперспективной» проблемы, требовалась помощь производителей. На первых порах даже не помощь, просто — заинтересованность.

На Тюменском Севере действуют мощные строительные тресты, нефте- и газодобывающие организации. Так что, если поддержат тюменцы...

— Есть идея, — предложил Епхиев коллегам, — давайте проведем большое совещание, но не в Москве и не в Ленинграде, а, так сказать, прямо на месте действия — в Надыме. Приглашаю.

Конференция прошла, как принято говорить, на высшем уровне. Строители говорили о том, что имеющийся транспорт с большим напряжением справляется со всевозрастающим потоком грузов. Стабильных дорог нет, а зимники, как бы они ни выручали, — «могила» для техники. Новенький «Урал» в самых умелых руках вряд ли продержится на зимнике больше трех сезонов.

В решениях конференции было записано два главных пункта: одобрить идею создания летательных аппаратов легче воздуха для применения их в условиях Севера и ходатайствовать об организации научно-исследовательского учреждения, призванного решить проблему отечественного дирижабля.

— Время агитации за новый вид воздушного транспорта миновало, — воодушевленно говорил Епхиев на закрытии конференции, —

наступает период практического воплощения научных идей и конструкторских расчетов в жизнь.

Воодушевлен был не только он, и действительно казалось, что это время — вот оно, на пороге.

...Встречаю Епхиева на трассе. Горячий период — в преддверии дня рождения В. И. Ленина сдается первый на Уренгое газовый промысел. Управление монтировало 123-километровый трубопровод от Уренгоя до газотранспортной системы Медвежье — Урал — Центр. Трубы самого большого в стране диаметра — 1420 миллиметров.

У Епхиева покрасневшие глаза — за последнюю неделю он и ночи не поспал нормально.

— Слушай, — Епхиеву для разгона предисловий не требуется, — ты знаешь, что он мне заявил?

— Кто?

— Главный инженер главка.

— Что?

— Не верит, будто мы 20 апреля начнем испытания.

— Так сегодня как раз двадцатое.

— Сегодня и начали. Так в ком сомневался? Я не про себя, а про своих ребят. Орлы! Где твои друзья-поэты, почему не едут о них писать? Чемпионы! Ты знаешь, у меня Бида-ров какой рекорд установил? За смену 4200 метров трубы заизолировал. Уловил? За смену! Не за сутки. А сварщики? Ты зови-зови своих поэтов. Пусть они о них споют. Благодатский, Китарь, Шарый, Дзгоев. Они последние две недели меньше километра не варили. Ты такое где-нибудь видел? Святая дата, Ленинский день!

И без перехода, не декламирует, поет:

Сомнения нет, что цель творенья — мы,
Что разума источник зренья — мы.
И если мирозданье наше — перстень,
То лучшее в нем украшенье — мы.

Прекрасно понимаю приподнятое настроение Епхиева, но профессиональная привычка заставляет спросить:

— Георгий Иванович, а нельзя ли было обойтись без этого аврального вдохновения?

Епхиев смотрит на меня пронзительно.

— Вот-вот, я всегда говорил, что все вы такие, кабинетные писатели. У вас все гладко, четко, планоно. А ты знаешь, когда я смог выйти на трассу, на потолки? В январе. Кто это придумал: двенадцать месяцев зима, остальное — лето? Ты знаешь, какой мягкий декабрь стоял, ноябрь еще хуже. Болота не промерзли, куда мы двинемся со своей техникой? Она ж в первой луже булькнет. Вот и караулили температуру до января.

А ты не знаешь, что такое Западно-Сибирский коридор? В учебниках не ищи, там еще этого нет. Это я придумал. Посмотри на карту: от Обской губы до Сургута почти голая тундра, открыта всем ветрам. Зимник заносит, то, что наварим, моментально заносит, никакому бульдозеру не под силу.

Епхиев отходчив, гнев его проходит со словами:

— Ну, а как дирижабли, Георгий Иванович?

— Приезжай в Старый Надым. Есть новости.

...Никогда бы не подумал, что это кабинет начальника СМУ. На развешанных по стенам чертежах и рисунках — дирижабли самых различных конфигураций: сигарообразные, в виде спасательных кругов, каплевидные, шары нормальные и приплюснутые. Вот целая связ-

ка шаров. Вот вообще что-то невообразимое, напоминающее ленту Мёбиуса. Внизу цифры грузоподъемности. Диапазон большой: от 15 тонн до тысячи.

— Не то разглядываешь, — добродушно усмехается хозяин кабинета. — Вот посмотри на эту простенькую конструкцию. Георгий Сергеевич Нестеренко из Москвы прислал. Спроектировал вместе с коллегами. Я делал расчеты по организации и методике применения этого «гибрида» в условиях труднодоступной местности. Назвали «Уренгой».

«Уренгой» действительно гибрид — нечто среднее между дирижаблем и вертолетом. Четыре двигателя от самолета АН-24 позволяют развивать ему крейсерскую скорость — до 200 километров и перевозить за рейс 100 тонн груза.

Управляемый аэростат способен работать в режиме зависания, сможет доставлять на труднодоступные для обычного транспорта стройплощадки экскаваторы, бульдозеры, трубоукладчики (не надо дожидаться января!), пучки стальных труб и целые блоки для сооружения газоперерабатывающих установок (помните разговор в кабинете Никоненко?). «Уренгой» имеет специальный бункер для отсыпки грунта под площадки на заболоченных участках.

— Расчеты приблизительные, предварительные, — объясняет Елхиев, — но каждый тонно-километр при использовании «Уренгоя» вдвое дешевле автоперевозок, не говоря уж про воздушные. Назови это «эффект дирижабля».

«Уренгой» занял первое место на конкурсе, проводившемся Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР совместно с центральным правле-

нием НТО отрасли. Задача конкурса определялась так: создание техники, механизмов и аппаратов, которые могли бы обеспечить круглогодичную прокладку магистральных трубопроводов в условиях северной Сибири. Идея проведения конкурса — следствие решений надымской конференции.

Однако «Уренгой» пока остается проектом, рулоном ватманов с чертежами и расчетами. В полезности новых летательных аппаратов никто не сомневается, почти никто, но никто и не берется за их строительство.

Конечно, решение проблемы потребует на первых порах значительных капиталовложений, которые окупятся гораздо позже. Необходимо решать и технические вопросы: создание прочностных оболочек, установок для выработки гелия в больших количествах и т. д.

К Уренгою от Сургута пришла железнодорожная трасса. Она упростила сложную транспортную схему. Но ведь в эксплуатации находятся пока всего три северных газовых месторождения, а их открыто более пяти десятков, да в запасе еще столько же. Весьма труднодоступны районы полуостровов Ямала, Тазовского, Гыдана и Полярный Урал. А дальше — Таймыр, Якутия, Дальний Восток.

Энтузиасты дирижаблестроения смотрят не только на Север. Известно, как загружены железные дороги, особенно в Сибири. Крупнотоннажные летательные аппараты, со скоростью, втрое-вчетверо превышающей локомотивную, могли бы доставлять, скажем, большие партии автомобилей с ВАЗа на Дальний Восток. Ведь тысячетонный дирижабль — это не фантазия. Гидростроители с большими трудностями везут в разобранном виде турбины на сибирские реки. Дирижабль может

взять турбину прямо в Ленинграде и доставить ее на место монтажа.

Не зря энтузиасты перспективной идеи отказываются от термина «дирижабль». Это уже не старая, плохо управляемая и не совсем надежная конструкция. Точное навигаторское оборудование позволяет аппарату легче воздуха совершить любой маневр, который не всегда доступен вертолету. Это — тихоход, но тяжелогруз. Для «Антеев» и ИЛ-76 нужно строить специальные аэродромы, для дирижабля — только причальную антенну. Самый грузоподъемный вертолет МИ-6 имеет полезную отдачу от 12 до 16 процентов. Он не может взять на расстояние 300 километров груз более пяти тонн и везет практически самого себя, «съедая» за полетный день около 20 тонн авиационного керосина. Полезная отдача дирижабля в три раза больше — меньше 50 процентов не бывает.

— Вы не забывайте вопросы экологии! — Епхиев начинает горячиться. Заядлый охотник, он уже лет пять не берет в руки ружья, перейдя в лагерь активных защитников полярной живности и растительности. — Сухие августовские ягельники, тундровое редколесье занимают от брошенной спички, от искры идущего вездехода, машины. Даже «шрам» от вездеходного следа заживает в тундре не один десяток лет.

— Дирижабль — самый экологически приемлемый транспорт, — развивает свою мысль Епхиев. — Платформа на воздушной подушке все равно требует для себя мощного тягача. Дирижабль никаких следов на земле не оставляет и не загрязняет атмосферу так, как самолеты и вертолеты.

Когда попадаешь на дирижабельную «орбиту», быстро узнаешь, кто активно поддер-

живает эту идею. Герой Социалистического Труда Николай Васильевич Черский, член-корреспондент АН СССР и руководитель Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР — один из таких активистов.

— Дирижабль важен не сам по себе, — говорит маститый ученый. — Пусть не дирижабль, пусть какой-то другой вид, но принципиально новый и экологически безвредный. Подумайте, может ли сейчас что-нибудь, кроме дирижабля, удовлетворить требованиям, предъявляемым к освоению северных территорий?

Мысль ученого очень близка Георгию Ивановичу.

— Мы, — произносит он, и это «мы» надо слышать, в нем такой заряд солидарности энтузиастов, — мы не противники ни вертолетов, ни самолетов, ни вездеходов, ни гусеничного и автомобильного транспорта, тем более платформ на воздушных подушках. Мы за комплексное транспортное освоение северных территорий, в котором летательный аппарат легче воздуха должен занять свое достойное место.

Но пока разбухают у Епхиева досье о дирижаблях (газетчики пишут о них весьма охотно), а дело топчется на месте.

...Епхиев из Старого Надыма перебрался в Новый Уренгой, во Всесоюзное промышленное объединение Тюменьгазпром, где его назначили управляющим трестом Уренгойстройгаздобыча, улица Оптимистов, 11. Самый первый в городе дом, «шедевр» первостроительной архитектуры: полтора этажа — гибрид вагончиков и жилого дома. Один блок-вагончик на первом этаже — резиденция Епхиева.

— Все с этого начинали, — горячо объясняет он, уловив мой сочувствующий взгляд. —

Здание конторы скоро сдадим. А вообще ос-
воим за 1980 год 13 миллионов рублей.

Понятно, что у нового управляющего хлоп-
пот по горло. Удобно ли спрашивать его сей-
час о дирижаблях? Но удержаться не могу.

— Как? — удивляется Епхиев, — ты не слы-
шал о Всесоюзной конференции в Тюмени?
Знаешь, кто ее организовывал? Академия
наук СССР, Госкомитет по науке и технике,
Министерство авиационной промышленности,
Институт комплексных транспортных проблем
Госплана, ЦАГИ. Это тебе уже не трест Се-
вертрубопроводстрой!

Правда, речь шла не только о дирижаб-
лях, рассматривались вопросы развития всех
видов транспорта до конца столетия. Наших
там много было. Дмитрий Сергеевич Спасский
(это он готовил знаменитый дирижабль В-6,
который совершил самый долгий в мире полет)
произнес слово памяти первых пилотов дири-
жаблей. Давид Залманович Бимбат, тоже эн-
тузиаст со стажем, заявил: «Жди через год-
полтора, прилечу на собственном 50-тонном
дирижабле».

Рен Петрович Стронг, руководитель об-
щественного проектно-конструкторского бюро
имени Циолковского в Ленинграде, сделал
интересный доклад о проекте ЦМ-100, 100-
тонного цельнометаллического аэростатиче-
ского аппарата. Киевские ребята, которых
представлял Виталий Михайлович Голуб, ра-
ботают над безбалластной конструкцией. Сло-
вом, на месте не стоят.

На конференции в Тюмени сторонники ди-
рижаблестроения выбрали Епхиева своим ста-
ростой. Он и с трибуны выступал больше дру-
гих, и в кулуарных спорах верховодил.

Основательность доводов, горячая убеж-
денность энтузиастов в правоте своего дела

привели к тому, что в решениях конференции появился такой пункт: «Объединить все ныне существующие общественные проектно-конструкторские бюро и на базе их создать на государственных началах научно-экспериментальные конструкторские бюро с производственными базами в Москве, Ленинграде, Киеве и Свердловске».

Вот это уже будет первый практический шаг!

— Так тронулся наконец лед, Георгий Иванович?

— Он давно тронулся, но заторов много, и кое в каких местах «бомбить» надо.

Да, этот человек мог бы позволить себе жить намного спокойней. Но не хочет. И уже, наверное, — не может жить спокойно. И хорошо, ибо, как говорил его любимый Хайям,

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.

Концовку для этого очерка (а может, начало для нового) подарила мне встреча Г. И. Флхиева с ответственными представителями, инженерами в Тюменской области очень известного треста Надымэлектросетьстрой. Инженеры треста так организовали работу, что вдвое превысили отраслевые темпы прокладки линий электропередачи. Внедрили вертолетную технологию монтажа: пилоты помогают ставить опоры, раскатывать тяжелотонные провода и с ювелирной точностью (допуск полтора сантиметра) устанавливать фундаменты. Из 180 миллионов рублей, которые пойдут на сооружение ЛЭП Сургут — Уренгой, 36 — составят авиазатраты. «Умные» затраты, как считают инженеры. Кому, как не им интересоваться проблемами создания аэростатиче-

ского транспортно-монтажного аппарата. Поэтому трест совместно с фирмой Оргэнергострой изучает тему: применение дирижаблей при строительстве линий электропередачи. Так что дирижабль не застанет энергомонтажников врасплох.

Прежде Епхийев с ними не встречался. Но они знали друг о друге заочно. Встретились же впервые в уренгойской гостинице. Инженеры здесь потому, что колонны треста начали выходить на газовые месторождения.

Разговор сразу «поднимается в воздух».

— Как там Бимбат, строит дирижабль?

— Говорит, что строит.

— Он серьезный человек, обещает — сделает.

— Но один дирижабль проблемы не решит, Георгий Иванович. Где целевая программа создания отечественного дирижабля? Нам, хозяйственникам, ведь нужен не любой аппарат, а такой, который бы мог выполнять необходимые монтажные операции и делал это эффективнее, чем вертолет. Бессистемность может много вреда принести. Помните, еще в 1969 году решили круглосуточно опоры ставить, но как площадку осветить? Придумали — мощный прожектор подвесить на аэростат. Достали аэростат, но потом потребовались гелиевые баллоны, а их можно только в Омске или Свердловске достать, фондов нет, товар дефицитный, и пошло-поехало... Если создавать, то создавать надежную систему. Прежде всего ее нужно просчитать на ЭВМ.

— За это и боремся.

— Идея перспективная, но на одном энтузиазме ее не поднять.

— Но и без энтузиазма не обойтись. Вы бы вот рискнули, если придет к вам первый

экспериментальный образец, использовать его в деле?

— А чем рискуем? Трест ежегодно план процентов на 30 перевыполняет. Ну, получится не на 30, а на 28. Это не риск. С удовольствием поэкспериментируем. А вы что, Георгий Иванович, этот дирижабль сами приведете?

— Прав еще не имею, но право — да!

Дирижабль в северном небе — не просто новая транспортная единица. Для таких, как Епхиев, — это и символ творческого дерзания. Север не любит шаблона. Поэтому то здесь так нужны люди, умеющие думать масштабно, видеть завтрашний день. Для Георгия Ивановича Епхиева суэта повседневных дел не заслонила небесных далей.

«Задание выполняется»

Говорят, что Север выбираем мы сами. Но ведь и он отбирает нас, отбирает сурово.

Когда же страна ставит невиданную по размаху и значению задачу освоения северных территорий, то можно ли полагаться на этот непредсказуемый выбор? Краю нужны тысячи рабочих рук настоящих энтузиастов. Так возникает большая социальная проблема — определить северянина в человеке, который еще и не подозревает об этом.

XVIII съезд комсомола отправил на обустройство Уренгоя ударный отряд, в который вошли три сотни добровольцев из Тамбова и Тулы, Куйбышева и Саратова, Таллина и Уфы, Донецка и Киева.

...Вы думаете, что министры не волнуются, когда выступают с речью да еще перед молодыми людьми. Но, видимо, для министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Бориса Евдокимовича Щербины то было не рядовое выступление. Человек, который четверть века своей жизни отдал преобразованию Сибири, поды-

скивал сейчас такие слова, чтобы его понял каждый из бойцов ударного отряда.

— Сибирь — удивительный край. Огромный простор и огромные возможности проверить и найти себя. Каждый день будет вас изумлять чем-то новым, неизведанным, и это сильное чувство, ведущее к свершению, не побоюсь сказать — к подвигу. Сегодня вы становитесь причастными к поистине грандиозному делу, может быть, на всю жизнь.

После выступления Бориса Евдокимовича обступили будущие рабочие его министерства. Шел доверительный разговор о предстоящих сложностях, о среднем заработке и среднем возрасте жителей сибирских городов, о том, бывает ли в действительности этот столь знаменитый первый колышек.

В дни съезда ребятам довелось выслушать немало человеческих, искренних слов.

Н. А. Злобин, провожая отряд, говорил: «Ребята, вы выбрали правильную и хорошую дорогу в жизни: строить и созидать — что может быть лучше? Уверен, именно такие, как вы, и становятся золотым фондом нашего рабочего класса. Жду вас во Всесоюзной школе бригадиров».

«Необстрелянных» в отряде почти не было. Школа, армия, работа... На Север ехали рабочие парни и девушки, хорошо сознававшие свою нужность в рабочем строю уренгойцев.

...На двери комнаты № 26 — силуэт стремительного всадника, памятник Салавату Юлаеву — символ отряда из Башкирской АССР. Подхожу к этой двери уже в третий раз. Хотя рабочее время давно закончилось, хозяев нет. Но вот появляется в коридоре Володя Хлебников. Вид у него усталый.

— Нет, нас никто не заставляет, — отвечает он, когда спрашиваю о работе. — Оста-

емся сами, ведь жилье сдаем. Мы-то живем в общежитии, а кому-то приходится селиться в балках.

В жизни Володи произошло немало событий. Организовал клуб самодеятельной песни. Провели конкурс на лучшую песню об Уренгое. Правда, ему достался только второй приз.

В комнату заходит незнакомый бородач. Ба, да это же Вахрушев!

— Тебя и не узнать, Слава.

— Как всякий уважающий себя северянин... — степенно отвечает он.

Что-что, а пошутить Слава любит. Но в Уренгое Вахрушева знают не по шуткам. Командир отряда возглавил единственную в строительном управлении бригаду каменщиков. Долго искали оптимальную модель, бригада то ужималась до десяти человек, то разбухала до трех десятков. Остановились посередине. Возводили каменщики общественный центр — двухэтажный комплекс, в котором разместились столь нужные быткомбинат, магазин, столовая и молодежное кафе.

Ни один бетон не рассчитан на сорокаградусные морозы, так что ребятам приходилось урывать редкие теплые (минус 25—30 градусов) часы, чтобы выкладывать стены.

Деревянный век в будущем городе заканчивался, начинался каменный, и у бригады рос фронт работ: закладывали фундамент большого общежития, здание амбулатории. А потом будет все — школы, киноконцертные залы, торговые центры и, конечно же, по индивидуальному проекту — Дворец бракосочетаний.

— Каждую субботу — свадьба, — не то жалуясь, не то гордясь, говорил Николай Прокофьевич Литовченко, заместитель начальника управления по кадрам и быту. Наверное,

все же жалуясь: организация свадеб ложится на его плечи.— По июль все расписано. (Разговор происходил в январе.) В будний день свадьбу играть не с руки, кроме рабочей столовой, мы пока предложить ничего не можем, поэтому вынуждены установить очередь. Уже сыграли двадцать одну свадьбу. Но женихов и невест гораздо больше, чем молодоженов.

Комиссар Всесоюзного отряда (этими полномочиями Литовченко наделил съезд) любит порядок в бумагах. В его руках вся отрядная статистика. Меня прежде всего интересует: сколько же «штыков» потерял отряд. Не глядя в записи, отвечает:

— Сорок девять.

— Много. Шестая часть.

— Некоторые перешли в другие управления,— поясняет Литовченко,— часть уехала по болезни или по семейным обстоятельствам. Но некоторые обкомы явно недоработали, может, просто не раскусили молодых делят, умело маскировавшихся под голубых романтиков.

— А будет еще отсеив?

— Думаю, что самый небольшой,— улыбается Литовченко.— Ведь остались только те, кто знает, зачем сюда приехал.

Все-таки остались две с половиной сотни ребят и девчат: процент текучести в отряде оказался почти в пять раз меньше, чем в среднем на Тюменском Севере. Значит, формула ударного отряда жизнедействительна. Можно сказать и так — житейски приемлема. Известно, что на Севере «дефицит» невест. Когда вместе собрались триста парней и девчат, да из разных мест, эта социальная проблема разрешалась легче. Первые двадцать женихов выбрали невест только из «своего» отряда.

...Мы сидим с Петром Землянко в общежитской — два на три метра — комнатке. Обычно молодоженам выделяют «бочки» — круглые арктические балки. Но для Петра товарищи потеснились, освободили комнату. Порядок в ней идеальный. Чувствуется женская рука! Хотя хозяйка сегодня утром улетела в Тюмень, на собрание актива Главтюменьнефтегазстроя.

Свадьба Петра Землянко и Татьяны Слепуховой была первой в украинском отряде, и уж земляки постарались. Когда молодожены появились в столовой, их встретил вокально-инструментальный ансамбль из Закарпатья — сюрприз земляков.

Свадебная процессия двигалась от сельского Совета. Будущий город пока не обзавелся не то что Дворцом бракосочетаний, но и простым ЗАГСом... Не было и свадебных «Волг». Молодые ехали на «газике» — самом комфортабельном тогда транспорте во всем Уренгое.

Маршрут проходил от одной стройплощадки к другой, туда, где приходилось трудиться бригадире плотников Петру Землянко и бригадире отделочниц Татьяне Слепуховой. Были в комсомольско-молодежном стройуправлении № 53 два передовых бригадира с разными фамилиями, стали — с одной.

Петр приехал в Уренгой не на готовое. У него был целый набор нужных здесь профессий: столяр, плотник, техник-строитель. В Уренгое Землянко сразу пригласили на должность мастера, но ему пока больше нравилось строить самому. В Донецке у него была сложившаяся рабочая репутация, строил там объекты республиканского и союзного значения. Заработки были более чем солидные.

Причину появления Петра в Уренгое объяснила мне позднее Татьяна. Она подала заявление о приеме во Всесоюзный отряд. Петр узнал об этом за два дня до отправления, но сумел пробиться в отряд. В обкоме комсомола его знали и сразу поставили комиссаром. Таню же долго не отпускали — она была депутатом горсовета, начальству не хотелось терять хорошую работницу.

До свадьбы у них было немало поводов подумать, следовало ли менять теплую родину на холодную Сибирь. Петр сразу почувствовал тяжесть бригадирского бремени — на материалы голодный паек, фронта работ нет. Из Уренгоя их отправили в Сургут, на монтаж нефтеперекачивающей станции. Месяц ребята трудились, но денег им не выплатили: «В Уренгое получите».

Рейсовые из Сургута в Уренгой не летают, и бригада двенадцать дней, без денег, дождалась попутного самолета. Вот в эти минуты и можно было сменить маршрут, махнуть не на север, а на юг, на родину. Петр и Татьяна вернулись в Уренгой. Здесь положение тоже было не лучше. Именно тогда пришлось Всесоюзному отряду пройти через трудности становления. Ребята были готовы ко всему. Они встретили как должное злую первомайскую пургу в день прилета. Весна выдалась затяжная, а лето было на редкость холодным и дождливым, но не менее комариным. Они и это посчитали нормой, хотя все старожилы в голос уверяли, что такое случается раз в полсотни лет. В августе выдался короткий солнечный просвет, и тут же запылали высохшие окрестные ягельники. Сутками бойцы боролись с полыхавшей тундрой.

Но что им придется остаться почти на месяц без работы — вот чего не ожидали. «Мерт-

вые» сезоны на северных стройках приходится на стык распутицы и начала навигации. Старые запасы материалов кончаются, а новые подвезти — река не позволяет. Бывалые северяне к такому привыкли. Тем более что август — время отпускное...

Как можно было отряду подготовиться к бездеятельности, когда от него требовали совершенно противоположного — работы, энтузиазма, молодой энергии? Отделочницы убирали мусор, плотники гасили пожары, каменщики курили, а бригадиры надоедали начальству от прораба до управляющего трестом, выколачивая материалы.

Тогда-то и возникла идея написать письмо в ЦК ВЛКСМ с предложением: на основе отряда сформировать комсомольско-молодежное строительное управление. Нет, не легкой жизни просили для себя ребята. Они просили настоящего дела.

Из Москвы приехала комиссия. Разбиралась долго и дотошно. Досталось и отряду: кое в чем явно погорячились. Но и руководители треста сделали для себя выводы — с порочной практикой «мертвых сезонов» рано или поздно придется кончать.

Таня получила бригаду в сентябре. До нее сменились два бригадира. Досталось на первых порах и Тане: трудно было управлять 25 девчатами, голосистыми, как на подбор. А Таня одна из самых молоденьких в бригаде, маленькая, тихая. Но разве бригадиру необходимо быть громогласным? Татьяна сумела показать себя толковым руководителем. Разделила бригаду на два звена, поставила во главе их Любу Крышко и Веру Цуцкареву, у Петра поучилась бухгалтерским навыкам и, главное, умению подойти к человеку.

В управлении стали говорить о супругах:

«Они своими бригадами владеют». Это значит, что бригада пойдет за своим рабочим руководителем не колеблясь, сколь бы сложной ни была ситуация.

Так было в 1978-м. Теперь же у Петра Землянко ответственности заметно прибавилось. Когда зашла речь о назначении командира еще одного, прибывшего в Новый Уренгой Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени Николая Островского (это самое крупное здесь молодежное подразделение добровольцев), то остановились на кандидатуре Петра. Северный опыт он к тому времени нажил, профессионализма не занимать, отличным руководителем себя проявил. Землянко перевелся в новый трест Уренгойгазжилстрой, костяк которого на первых порах и составил его отряд.

...Мне снова не везет на встречу с хозяйкой — она отсутствует вместе с годовалым Сережей. Жаль, не удалось познакомиться с уроженцем Нового Уренгоя, коренным северянином.

Семья переселилась из общежития, по уренгойским понятиям, устроились неплохо, занимают комнату в двухкомнатной квартире. Хозяин шутит:

— К вашему очередному визиту постоянно свои жилищные условия улучшаю, так что приезжайте побыстрее.— И уже серьезно добавляет: — Отряд решил самостоятельно, в свободное время народной стройкой девятиэтажный дом соорудить. Комсомолстрой. Больше сотни квартир. ЦК комсомола добро дал, ленинградские домостроители обещают комплект панелей сверх плана.

А ведь я, откровенно говоря, ожидал услышать сетования на неурядицы. Отряд еще не устоявшийся, трест молодой, многовато недо-

статков. И ЧП было, и спекулянтов выпроваживали, да всякие досадные мелочи. Наверняка не сладко Петру сейчас. И с бригадой-то хлопот хватает, а здесь отвечает почти за полтысячи молодых людей, неоперившихся, несложившихся.

— Что же вам рассказать? — задумывается Петр, услышав вопрос о командирских трудностях. — Вот разве что история была как раз под Новый год. В строящемся пятиэтажном доме одна блок-секция была готова, тепло туда пустили, а в соседней еще стекол нет, морозец ударил, того и гляди разморозит. Тогда бы весь дом накануне сдачи «полетел»: 120 новоселий побоку. Надо срочно рамы вставлять, стеклить, но и праздник встретить хочется. Собрал всех своих ребят, сказал, что есть шанс к одиннадцати закончить, если постараться. Что же, закончили, у елки еще успели встретиться.

Был такой случай. Иду как-то мимо общезжития, где в основном мои хлопцы живут, а у них там на полную мощь субботник по благоустройству.

— Что такое? — спрашиваю. — Почему командир не знает?

А один паренек из Винницкой области:

— Петро Сергеевич, яка у хозяина хата, такой вин и сам. Что же мы командира звать будем, если сами справиться можем.

— Или вот еще, — оживляется Петр. — Пришел ночью состав с материалами, разгружать нужно срочно. За мной фургон подошел, я своих бужу и едем на станцию на трое суток...

Слушаю Петра и понимаю, что ничего он не расскажет о своих командирских незадачах, жаловаться не привык. Ему эту работу поручили, ему и выполнять. А ведь раньше

мог про сургутские мытарства рассказывать...

Не главный ли это для Петра Землянко урок Севера — осознать и принять на себя любую ответственность в интересах дела.

Интересно, кто же первым предложил один северный рабочий год за полтора считать? Может, арифметика не совсем уж и точная, но глубоко верная по существу — время здесь действительно гораздо сжатей. Тугое время. Оно позволяет человеку раскрыться, проявить себя раньше, чем в других местах.

Вот и отряд имени XVIII съезда комсомола крепко встал на ноги, более того, стал надежным флагманом других ударных комсомольских отрядов, которые прибыли в десятой пятилетке на всесоюзную стройку. Дело в том, что они были не столь подготовлены профессионально и энтузиазм у них был послабее.

Требовалось что-то предпринять, чтобы новички сразу вошли в уренгойскую колею. И тогда отряд направил в новоприбывшие коллективы своих лучших людей — тех, кто уже полностью выдержал испытание Севером, постиг специфику здешней работы и сумел бы возглавить бригады.

...Такое мог выдумать только Стрельников — не то конкурс профмастерства, не то лотерея с заманчивым выигрышем. В начале каждого мая отряд отмечает годовщину своего прибытия в Новый Уренгой. Зала для такого празднования в городе еще нет, торжественный ужин проводится в управленческой столовой, она маловместительна, так что на учете каждый гость. Сергей-то получил положенный билет, а на его бригаду из отряда имени XXVI съезда КПСС выделили всего одно приглашение. Кому вручить?

Они тогда крыли полы в новом здании детского садика. Материал подвозили вовремя, только успевай. В пятницу вечером Стрельников объявил:

— Приглашение получает бригадный чемпион по настилке полов. Конкурс завтра, начало рабочего дня как обычно.

На что способен каждый, он знал, кто выйдет победителем предполагал. Но конкурс на то и конкурс...

Андрей Водяков, смешливый парень, который иногда не прочь был посачковать, в претендентах не числился. Но именно его квадраты оказались рекордными, хотя и все остальные соперники за час сделали почти сменную норму.

— Ну, Андрюша,— сказал Стрельников, вручая ему билет,— теперь мы с тобой фило- нить не будем, верно? Да и все, наверное, поняли, что резервов еще немало. Да?

— Всякое бывает,— рассуждает Стрельников.— На нас здесь иногда смотрят, как на патентованных спецов: ударный, мол, отряд. Мы стараемся, но ведь молодые же все, опыта часто никакого, вот и приходится изобретать.

Обстановка в комнате, где обитает человек, многое может сказать о хозяине. Сразу видно, что он выдумщик, рукодельник, сам смастерил оригинальные кресла, шкафы от- делал красиво. Как сейчас принято в Новом Уренгое, в двухкомнатной квартире живут две семьи. Кто-то бы принял это жилье за промежуточный этап, дожидаясь более благо- устроенного, за престижной мебелью гонялся, а Сергей сделал все, что мог, сам.

— Всякое...

Он, кажется, что-то вспомнил, но размыш- ляет, рассказывать или нет,

— От меня мой первый помощник, моя опора в бригаде, чуть не сбежал. Толик Лункин. У него за плечами лет восемь стажа, в столице работал. А мы как раз в полосу такую влипли: работу дают — одна мелочовка — нет материалов. Сидим, курим. А к соседям, как назло, мимо по дороге грузовик за грузовиком. Неделю идут, другую. Ну и Толик взвинтился:

— Я не за жизнью наблюдать, работать приехал. Меня везде возьмут.

По-своему он был прав. Но мы-то живем одним отрядом, хоть и не в армии, но тоже своя дисциплина. Володя Шейко, его напарник, хорошие слова нашел.

— Как же, Толик, — говорит, — ты каждое утро мимо нас ходить станешь, как нам-то на тебя смотреть?

Замолчал Толик. Еще с неделю мрачный ходил. И вот однажды начинаем рабочий день, опять мелочовка тянется. Вдруг Лункин встает в нашей бригадной бытовке и отчеканивает:

— Извините, ребята, ошибся.

Честно говоря, я-то уже с ним простился. Но вот когда он эти слова произнес, почувствовал я: есть она, отрядная рабочая спайка. Дошло до Толика, что, кроме личной правды, бывает и общая. А ведь в такое трудное время наверняка не только в голове Лункина сомнения гудели. Он своим «ошибся» подо всеми этими сомнениями черту подвел.

Завершить короткий рассказ о трудовых буднях посланцев комсомола на Уренгое, конечно, нужно тем памятным моментом, когда на трибуну XIX съезда ВЛКСМ поднялся командир Всесоюзного ударного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, депутат Верховного

Совета СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, бригадир комсомольско-молодежной бригады треста Уренгойгазпромстрой Павел Баряев. Он доложил, что задания Центрального Комитета КПСС, Советского правительства, XVIII съезда ВЛКСМ, в том числе по освоению нефтяных и газовых месторождений, успешно выполняются.

— Годы работы на главных новостройках страны, — сказал Павел Баряев, — стали для нас большой школой жизни. Бойцы отряда закалили свои характеры, завоевали в рабочих коллективах признание и авторитет, стали настоящими мастерами своего дела.

Командир подчеркнул: молодые добровольцы гордятся тем, что приняли непосредственное участие в возведении Нового Уренгоя.

Газовая целина получила новое пополнение. На сооружение газотранспортной системы Север Тюменской области — Центр прибыли бойцы Всесоюзного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ.

На полярных ветрах

Жизнь — лучшая выдумщица сюжетов.

Уже ушли в историю первые дни Медвежьего и Уренгоя, обросло легендами недавнее вроде время первых открытий геологов. Но вот несколько неожиданно настала для ямальских газовиков пора освоения первого заполярного гиганта — Ямбурга. Наверное, и эти дни станут преданием, а прошедшее время укутает их в романтический флер легенд. Может быть, именно поэтому так важно описать будни первопроходцев.

...Вертолет летел вдоль трассы зимника, того самого, по которому прошел первый санно-тракторный поезд на Ямбург. Перед полетом я беседовал с «автором» дороги Богдановым. Анатолий Николаевич руководит в объединении Надымгазпром топографической партией.

Богданов — человек бывалый, по Медвежьему много начальных тропок проторил, до Уренгоя добирался. Для пишущего же бывалый человек — беда. Ведь у него все просто, никаких трудностей, минимум проблем, все

вроде само собой делается. Вот и этот первый след до Ямбурга. Два вездехода, два опытных водителя, Илья Зиязов и Александр Кузьмицкий, в помощники Богданов взял Бориса Рыжова. Еще в декабре они проскочили (именно так говорит Богданов) до Ямбурга, точнее, конечно, до той точки на берегу Обской губы, где решено было ставить пионерный поселок. Проехали, провешали — обозначили трассу, промерили лед на Обской губе, сказали «добро» транспортникам.

Вот и все, никаких вам сложностей, и дело вроде не в Сибирском Заполярье происходит. Всех-то приключений выдалось на рейс, что двое суток просидели на точке из-за сильной вьюги, да на обратном пути, тоже из-за внезапной пурги, пришлось отсиживаться в чуме у оленеводов, а потом долго искать то место, где съезжали с берега на лед.

Конечно, на той же «газушке» Ильи Зиязова направлял Богданов путь и первого транспортного каравана, и второго. Понятно, что все опять было нормально, если не считать, что на губе одной гусеницей провалился в воду бульдозер-гигант «фиат-алис». Но другие трактора тут же его выдернули.

— Наша вина, конечно, — признался Богданов. — Откровенно говоря, я уже расслабился, успокоился, поначалу-то за этим «фиатом» присматривал, но он вел себя спокойно, ничего под ним не трещало, не шаталось. Мы в тот день вообще умчались далеко вперед, я только на следующее утро и узнал о ЧП, конечно, защемило под сердцем. Много тысяч рублей золотом как-никак. — Но бывалый человек остается самим собой: — Да там же надежные ребята были, Румянцев с Морозовым, они бы на собственной спине этот «фиат» подняли.

Кстати, Анатолий Николаевич видом-то на бывалого совсем не похож, он бы смотрелся лучше в кабинете, а не в таких знаменитых переходах.

Ясно, что переход если и дался сравнительно легко, по словам Богданова, «нормально», то потому, что готовился долго и тщательно. Сам геодезист появился на Ямбурге за полгода до того, как сюда пошли машины и тракторы. Сначала о дороге по льду губы и речи не было. Механизаторам с Медвежьего привычно по нехоженой тундре идти. Но Богданов «пробежал» по трассе и сделал вывод, что она будет тяжелой, слишком уж часто тундра режется речками, ручьями, оврагами, берега их обрывисты, круты, много болот, а в лощинки наметает снега — выше кабин. Начальство убедил: по льду проще, легче идти.

На самом Ямбурге Богданов летом с учеными из Новосибирска побывал, потом маркшейдера из Тюмени с привязками знакомил, талики искал для артезианских скважин. Словом, солидно познакомился.

Мне на Ямбурге приходилось бывать у геологов еще в ту пору, когда об освоении месторождения и речи не шло.

— Удручающий пейзаж, — вспомнил я.

— Пустовато, — согласился Богданов. — Но ведь к тундре привыкнуть нужно. Я после леса пообвык не сразу. Она когда расцветет — красавица. Пышности, конечно, никакой, но зато знаешь, из чего все это проросло, зазвенело. Чем природа-то бедней, тем в ней все... — Анатолий Николаевич замолк, не мог слово подыскать. — Значительнее, что ли, — наконец нашелся он. — Кустарничек там какой заметишь, ольховничек — уже вроде и событие. Мы там на подъезде две лиственки приметили, ну совсем крохотульки, в настоя-

щем лесу и за дерево-то не примешь, метра с два росточком, и все ветки на южную сторону. А душа так и запрыгала.

Что же ведет человека в эту арктическую пустошь?

В энциклопедическом словаре Ямбургов два. И хотя далеки они друг от друга, но с собой, как ни странно,—связаны. Был такой до революции город в Питерской губернии, рядом с эстонской границей (ныне Кингисеп). Один из путешественников прошлого века Ю. И. Кушелевский, уроженец тех мест, плавал на своей шхуне вокруг Тазовского полуострова и окрестил в порыве ностальгии какое-то стойбище именем родного городка. Так и появилось среди исконных ненецких названий такое странное, европейское. Пришедшие сюда через столетие геофизики перенесли название на подземную структуру, а буровики, которые здесь фонтаны природного газа получили, нарекли и месторождение. Запасы газа здесь исчисляются триллионами кубометров. Есть у Ямбура только один конкурент — Уренгой.

Медвежье встало на ноги, окреп Уренгой, пора и за Ябург приниматься.

...«Восьмерка» наша летит низко. Погода тем временем начала портиться, точнее, мы влетели в зону пурги. Интересное это зрелище — пурга, наблюдаемая сверху,—калейдоскоп, в котором один белый цвет с самыми невообразимыми оттенками. Уютно смотреть на них... из иллюминатора.

Есть ли что-нибудь безжизненней этой арктической тундры именно в такую погоду, когда непрерывно свистит ветер, когда зол и резок мороз, и всей кожей чувствуешь, что вокруг на десятки, сотни верст нет теплого человеческого жилья. Но вдруг просвет, снеж-

ную ленту отнесло в сторону — пяток балков, увязших в сугробах, хрупкие мачты рации, приткнувшиеся к балкам трактора, машины, дымок над электростанцией.

Меня встречал невысокий крепыш, с неизменной приветливой полуулыбкой под заиндевевшими усами, электрик Николай Васильевич Сюлин, ямбургский «ветеран».

— Ходи в наш балок, — пригласил он доброжелательно. — У нас сегодня плацкартные места освобождаются.

Гостевым вагончиком пионерный поселок еще не обзавелся, на каждое спальное место претенденты есть, поэтому гостеприимством следовало воспользоваться немедленно.

Оказывается, с этим же вертолетом улетали в Надым двое обитателей балка.

— Толик вернется, — Сюлин выразительно хватанул рукой воздух, как будто убеждал сам себя. — Побюллетенит, отойдет и вернется.

— А второй?

— Юра? Он ворочаться подождет. Мудрит там наша бухгалтерия, здесь, конечно, счетоводы не были, но знай пишут 252 часа в месяц, и точка. Не торопитесь, говорят, отдыхайте, используйте выходные, работайте по восемь часов.

— А какое тут восемь часов, — распаялся Сюлин, и было ясно, что проблема волнует не только его. — Мы ж сутками напролет трубили, пока все это установили: тепло, свет, столовку, рацию. И если я тютелька в тютельку буду работать, через час вся эта система полетит: начинай сначала. Плановик хочет спать спокойно, а я за его спокойный сон ночные часы вкалываю. Кому это понравится?

Мы у себя в Надыме или Пангодах те же деньги получаем. Но я там точно восемь часиков отстоял, помылся в душевой и смотрю

себе телевизор. А здесь ни простынки, ни ванны, ночью услышишь сквозь сон, вроде не так дизеля свою песню тянут, соскочил и туда: минутку промедлишь, за сутки не размотаешь.

Когда шел первый караван, горячий борщ на вертолетах возили, газеты в тот же день доставляли, чтобы мы репортажи о себе читали. Детишки в школе для нас библиотечку собрали. А два месяца прошло — газеты раз в две недели, книжки все перечитаны, белье не меняют. Хлеб-то до сих пор январской выпечки, по-оленоводски его заморозили, уже в песок рассыпается.

Когда слушаешь такое, всегда испытываешь чувство неловкости, как будто сам виноват в этом.

Ямбургские дезертиры на месторождении еще и не появлялись. В первый десант записалось человек семьдесят. Из них отобрали шестерых, остальных перевели в «главный резерв». Но этот запас прочности размыло мгновенно, когда дизелисты, кочегары и электрики узнали: такую бухгалтера навели на Ямбурге перестраховку, что ехать туда — себе в убыток.

А ведь Ямбург в первом году недалекой уже двенадцатой пятилетки должен дать стране миллиарды кубометров природного газа. Сэкономив десятки рублей сегодня, не потеряем ли мы миллионы завтра?

Бытовики, коммунальные работники, связисты — почему они сразу переводят себя во второй эшелон? Почему «горячие точки» существуют только для газовиков, строителей, буровиков?

Тем основательнее резон взглядеться в эту группу захвата плацдарма — или как там точнее? — группу закрепления, в тех остав-

шихся, кого бухгалтерский консерватизм, невнимание начальства все же не отпугнули, а угрозы Арктики в уныние не повергли.

Место-то действительно удручающее, кругом белым-бело, где суша, где лед — границы не различишь. И все ровно, однообразно, хоть бы холмик какой — взгляду зацепиться. Недаром в каждой балочке непременно банка с водой и там две-три уже распустившиеся веточки.

Поселок пока исключительно мужской. Даже традиционные места вахтовых поварих в здешней столовой занимают выпускники техникума — мускулистые ребята Олег и Саша. Бывшие армейские кашевары, они сегодня здесь едва ли не главные люди, потому что к ним регулярно три раза в день наведывается все здешнее население, все приезжающие механизаторы и другой командированный люд.

Столовка превратилась в этакий клуб, где узнают все новости и делятся мыслями по поводу событий нынешних и предстоящих. Кашевары встают раньше других и ложатся позже, спят здесь же, в столовой, расстелив на полу матрасы. Готовят отменно и в расчете на мужской аппетит.

— Одного боимся — уйдут, — комментирует Сюлин. — Всем здесь коэффициент положили восемьдесят, а им пятьдесят, вроде у них климат другой.

Конечно, трудно ожидать от людей, которые еще совсем недавно не знали друг друга, жили в разных местах, работали в разных организациях, чтобы они сразу прониклись каким-то общим мироощущением.

Хотя разговоров о деньгах было немало, все же не одни, предположительно высокие, заработки тянут сюда народ. О других моти-

зах просто не принято говорить. Например, про обычную житейскую гордость. Ведь те же Юра и Толя, они разве откажутся от того, что первыми пришли на знаменитый Ямбург? Возможно, правда, умолчат, что пробыли на нем недолго, но перехода этого из их биографий не вычеркнешь. Да и Сюлин не преминет в какой-нибудь задушевной беседе вставить, что на Ямбурге-то без него плоховато пришлось бы. А ведь правда: такие толковые люди, как Николай Васильевич, свою нужность остро сознают. У него все припасено, все наготове.

Ведь почему трехсоткилометровый переход проходил нормально и даже не без некоторого комфорта? Основная электростанция была законсервирована, но энергетики прихватили с собой еще одну резервную «слабосилочку». Вот она весь караван и выручала. Добрались до точки поздним вечером, а уже утром кашевары выдали первый горячий завтрак. Это не просто делается: всю ночь сюлинские ребята монтировали проводку, кабель тянули, электрику в расшатанной блок-столовой монтировали, электропечи подключали.

Первую ночь пришлось вповалку спать в холодном балке. Но это была и единственная неуютная ночь. На следующий день первый спальный балок полностью утеплили. А еще через день все четыре балка подключили к электро- и теплосетям, которые поначалу были проложены по временным схемам, но уже через полтора месяца — капитально. Сюлин, конечно, командовал парадом.

Он разговор ведет о заработках, о белье, о журналах, а сам про себя хорошо знает, что не каждый на его месте смог бы развернуться так быстро и толково — на этом голом, полярными ветрами продутом месте. То-то он

хитровато поглаживает свои усы, полярник с золотой Кубани.

Есть у него одно заветное словечко, которое может многое объяснить — азарт, когда человек ради интереса дела недолго размышляет — будет ему самому лучше или хуже. И еще одно примечательное слово Николай Васильевич произнес — «освоиться». Не освоить, а освоиться. Факт биографии страны ему прежде всего важен как событие биографии личной. Может быть, именно это и позволяет терпеть всяческие неудобства, покряхтывать, ехидничать, но рюкзачок заторкнут подальше, глаза не мозолит, и собирать его Сюлин не норовит. Конечно, как оно еще там получится, но сейчас он человек важный, здесь жизнь обеспечивает.

— Почитай-ка, — протягивает газету мне с чуть заметной ехидной усмешкой под усами. — Вот как писать надо.

Его промасленным ногтем отчеркнуто: «Веками дремал суровый северный край. Но пришли мужественные люди, разбудили его — и вспыхнула тундра россыпью месторождений. Появились на карте Уренгой, Медвежье, Вынгапур, Ямбург. Море пламени хранилось под стылой поверхностью. Сейчас энергию недр сибиряки ставят на службу Родине».

— Высоковато взял автор.

— Почему? — неожиданно возражает Сюлин. — По существу верно. Ты тоже так пиши — отстроим здесь город-игрушечку. Засверкает, как Надым. Да что там Надым. Представляешь — сверкающий Ямбург!

Его сменщик Савельич заходит в балок в клубе морозного воздуха.

— Ну, я пошел, — говорит Сюлин.

До городского сверканья еще не близко, пока нужно, чтобы исправно тарахтел дизель.

Я же пошел в балок к механизаторам — захотелось покататься на «фиате». Каков же в деле агрегат, на который здесь возлагали большие надежды? Через трехсотметровый песчаный бар он должен был прокопать канал к Обской губе, чтобы можно было заводить корабли под разгрузку.

Когда зашел в балок, слесарь Сергей рассматривал пачку фотографий.

— Я ж первым караваном прибыл. Вот он я, только спиной, никак вовремя в объектив попасть не мог.

Меня привлек другой снимок: из трактора с открытой дверкой выглядывал могучего сложения тракторист. Кругом море снега и льда, видно, что морозец крепенький, а парень по пояс голый.

— Он что — так и ехал?

— Так, — небрежно подтвердил Сергей. — Они же там в «сотках» кабины утеплили — в фуфайке спаришься.

Сергей протянул мне еще одну фотографию, и в это время в балок вошел бульдозерист Саня. Он взял снимок, отвел руку, поглядел издали и неприкрыто изумился:

— Да это же мой зверюга. Ты где это, Серега, такую знатную фотографию отхватил?

Снимок изображал самый критический момент перехода, когда Саня вел на Ямбург свой мощный «фиат»: бульдозер, вздыбившись носом вверх, завалился набок, и правая его гусеница почти вся ушла под воду.

— Саня себя тут и показал, когда тянуть начали, — вмешался в разговор Сергей.

— А чего показал? — скромно возразил бульдозерист. — Вскочил за рычаги да и поехал. Впереди шестерка «болотников» цугом.

— Не скажи, — квалифицированно опроверг его собеседник. — Ты ж еще метров два-

дцать лед порол. А если бы там ямка поглубже, и булькнул бы вместе с кепкой.

— Но у меня-то одна нога на улочке была, я б успел.

— Испугался поди?

Саня мотнул головой:

— Некогда было. Пойдем, что ли, хотел ведь посмотреть, как он пашет.

Конечно, своей фигурой Саня как раз и был создан для такой крупногабаритной техники. Движения его крупных рук уверенны, но в то же время как-то деликатны, и махина шла мягко, податливо. Саня выехал на берег губы. Расчищенную площадку окаймляли торосы перемешанного с песком комковатого снега. Так выглядело русло будущего канала.

— Вот сейчас держись покрепче,— предупредил водитель.

Бульдозер напрягся, натужно затрясся, мелкой дрожью заплесали рычаги. В зеркале заднего обзора я видел, как за плугом остается неглубокая, до смешного несолидная бороздка. Саня провел машину раза три по всей площадке, оставляя позади такие бороздки. Вдруг «фиат» резко дернулся и замер носом вверх, намертво зацепившись за мерзлую землю.

— Ну вот, приехали,— бросил Саня. Он сдал назад и приглушил мотор.— Представляешь, какая порода. Простой песок. А смерзся — настоящий гранит.

Я взял в руку холодную пластинку грунта и сжал кулак. Через несколько минут на ладони лежала горстка мокрого песка.

— Вот-вот,— заметил Саня.— Никто не верит. А за полчаса коронку вчистую съедает. Завтра замминистра приезжает, я ему напрямую скажу: нужно взрывничков звать. Так

угробим трактор, а он-то здесь еще как пригодится.

После таких вот случаев действительно возникало недоумение: зачем посылали людей в январский мороз, в пургу, когда можно было тихохонько двигаться в солнечном марте. Жилгородок развернули за какие-то две недели, а еще осталось-то — склад-холодильник к столовой пристроить, радиорелейку смонтировать да под материалы холодный склад. Основная задача — этот канал. Дело вроде казалось пустяковым, но вот смотрел я, как косябался бульдозер по местному песочку, и подумал, что еще немало сюрпризов это первое газовое месторождение на заполярной вечной мерзлоте приготовить может. Высадись десант попозже — времени на эксперименты могло и не хватить, значит, как минимум, первую навигацию сорвали бы. Здесь можно ожидать таких трудностей, которые и представить невозможно. Это ж надо, какая силища у простой горсточки песка!

Что там говорить, нелегкая работа ожидает всех, кто решит попробовать свои силы на заполярном месторождении. Например, намечают впервые в стране прокладывать газопроводы из многослойных труб под невероятным ранее давлением в сто атмосфер.

...Я свернул за крайний балок и неожиданно увидел детей, обычных играющих детей, но почему-то одетых по-летнему, в школьную форму. Еще больше поразила великолепная высокая роща невдалеке. Странно, но чем дальше, тем деревья становились выше — настоящая зеленая стена, шелестящая, темно-зеленая, как бывает в последние дни лета.

И вдруг шелест резко оборвался. Под окном выключил мотор «Кировца» тракторист.

Но теперь-то я знал, какие «зеленые» сны снятся на белом Ямбурге.

Чтобы немного развеяться, пошел на берег губы, где раньше заметил два бесхозных балочка. На них белой краской было выведено: «Собственность института ЮжНИИгипрогаз».

— Интересуетесь? — услышал я голос за спиной. Молодой парень возвращался с канала.— Исторические балки, жаль, что раскурочили, для ямбургского музея — первый экспонат.

— Чем же они прославились?

— Как же, изыскатели в них жили. А потом мы втроем, нас здесь высадили еще до первого каравана, вертодром строили, площадку разбивали.

Вопрос был, наверное, некстати, но мне захотелось узнать:

— Надолго вы здесь?

— Надеюсь, надолго.

— А почему?

— Город здесь собираются строить, популярный. У меня в жизни своих-то городов не было. Надо ж как-то в жизни отметить. Потому буду держаться, а то потом самого первого ямбуржца не найдут. Вы как слово «месторождение» произносите? — спросил он, и в голосе его слышалась смешинка.

— Как его еще произнесешь? Месторождение.

— Слитно,— с удовлетворением убедился собеседник.— Я отдельно произношу: место рождения. Чьего? Не моего ли?

И широко, щедро улыбнулся.

Содержание

Рассказ арктического странника	10
Три школы директора	23
В глубины Заполярья	40
Запах ягеля	58
Детство в суровом краю	75
Трудный хлеб Севера	84
Дайте Елхиеву дирижабль	98
«Задание выполняется»	115
На полярных ветрах	128

Омельчук А. К.

О-57 На полярных ветрах.— Свердловск:
Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 144 с., ил.
20 к. 5000 экз.

Автор — журналист из Салехарда — рисует в очерках образы людей увлеченных, щедрых душою, с полной отдачей работающих на древней ямальской земле. В книге поднимаются некоторые актуальные экономические и социальные проблемы освоения газовой целины Тюменского Севера.

О $\frac{11301-006}{M158(03)-83}$ 0802010207

ББК 66.3(2)6
32С5

ИБ № 1033

Анатолий Константинович Омельчук
НА ПОЛЯРНЫХ ВЕТРАХ

Редактор В. В. Мылов
Художник А. М. Туманов
Художественный редактор А. В. Вохмин
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректоры Л. Я. Витязева, Е. И. Ерина

Сдано в набор 03.08.82. Подписано в печать 10.12.82. НС 12696.
Формат 76×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 5,9.
Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 5000. Заказ 403. Цена 20 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск,
ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабо-
чий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка офсетная
отпечатана в производственном объединении «Полиграфист»,
620151, Свердловск, Тургенева, 20.

214Р 50 к. 2

ВЫШЛИ В СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОМ КНИЖНОМ
ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
В 1982 ГОДУ

К. И. Миронов
УТРО ГАЗОВОЙ ЦЕЛИНЫ

4-й выпуск Всероссийской серии «Энергия века»

И. Смирнов, С. Бабкин, С. Казанцев
ПЛАМЯ ДУШИ СВОЕЙ

В. С. Глебов
КРАЙ С КОМСОМОЛЬСКИМ ЗНАЧКОМ

Сборник
ЗАСТАВА НА ОБИ

Сборник
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

20 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1983

